

Генрик
Ибсен

- [Генрик Ибсен](#)
 - [ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:](#)
 - [ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ](#)
 - [ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ](#)
 - [ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ](#)
 - [ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ](#)
 - [ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ](#)

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Генрик Ибсен

Враг народа

Пьеса в пяти действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Доктор Томас Стокман, курортный врач.

Фру Стокман, его жена.

Петра, их дочь, учительница.

Эйлиф, Мортен – их сыновья, тринадцати и десяти лет.

Петер Стокман, старший брат доктора, городской Фогт и полицеймейстер, председатель правления курорта и т. д.

Мортен Хиль, приемный отец фру Стокман, владелец кожевенного завода.

Ховстад, редактор «Народного вестника».

Биллинг, сотрудник той же газеты.

Капитан Хорстер.

Аслаксен, владелец типографии.

Участники сходки: мужчины разных сословий, несколько женщин, школьники.

Действие происходит в приморском городке на юге Норвегии.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Вечер. Небогато, но уютно обставленная гостиная в квартире доктора Стокмана. В правой боковой стене две двери: дальняя ведет в переднюю, а ближайшая – в кабинет доктора. В противоположной стене, прямо против двери в переднюю, дверь в другие комнаты, занимаемые семьей. Посредине той же стены печь, а ближе к переднему плану диван, над которым висит зеркало; перед диваном овальный стол, покрытый скатертью, на столе лампа под абажуром. В задней стене открытая дверь в столовую, где накрыт стол; на нем горит лампа.

Биллинг, с засунутой за ворот салфеткой, сидит у стола в столовой. Фру Стокман стоит возле, потчюя гостя ростбифом. Остальные стулья около стола пусты, сервировка в беспорядке, как после оконченной трапезы.

Фру Стокман. Да, раз вы опоздали на целый час, господин Биллинг, то не взыщите, что ужин холодный.

Биллинг (*прожевывая*). Очень вкусно... прямо превосходно.

Фру Стокман. Вы ведь знаете, как строго муж соблюдает часы еды...

Биллинг. Для меня это решительно ничего не означает. Пожалуй, даже вкуснее кажется, когда сидишь вот так, в одиночку, и никто тебе не мешает.

Фру Стокман. Да, да, если вам кажется вкусно, то... (*Прислушиваясь*.) А вот, верно, и Ховстад.

Биллинг. Пожалуй.

Входит городской Фогт Стокман, в пальто, форменной фуражке и с палкой.

Фогт. Нижайшее почтение, невестка.

Фру Стокман (*выходя в гостиную*). Ах, здравствуйте! Это вы? Как мило, что заглянули.

Фогт. Шел мимо, вот и... (*Бросив взгляд в столовую*.) Но у вас, как видно, гости.

Фру Стокман (*несколько смущенная*). Нет, совсем нет, просто случайно. (*Быстро*.) Не хотите ли закусить за компанию?

Фогт. Я? Нет, покорно благодарю. Горячий ужин – боже избави. Это не для моего желудка.

Фру Стокман. Ну, разок-то...

Фогт. Нет, нет, спасибо, я держусь своего вечернего чая с

бутербродами. Оно, в конце концов, здоровее... да и поэкономнее.

Фру Стокман (*с улыбкой*). Вы не подумайте, что мы с Томасом так уж транжирим.

Фогт. Вы-то нет, невестка. Этого у меня и в уме не было. (*Указывая рукой на кабинет доктора.*) Его, пожалуй, дома нет?

Фру Стокман. Нет, пошел прогуляться после ужина... с мальчиками.

Фогт. Это считается здоровым? (*Прислушиваясь.*) Вот, кажется, и он.

Фру Стокман. Нет, едва ли...

Стук в дверь из прихожей.

Пожалуйста!

Входит редактор Ховстад.

Ах, это вы, господин редактор...

Ховстад. Да, извините, меня задержали в типографии. Здравствуйте, господин Фогт.

Фогт (*сдержанно кланяясь, суховатым тоном*). Господин редактор... Вероятно, по делу?

Ховстад. Отчасти. По поводу одной статьи в газету.

Фогт. Могу себе представить. Мой брат, говорят, весьма плодовитый сотрудник «Народного вестника».

Ховстад. Да, он разрешает себе выступать в «Народном вестнике» с правдивым словом на ту или иную тему.

Фру Стокман (*Ховстаду*). Но не угодно ли вам... (*Указывает на столовую.*)

Фогт. Помилуйте! Я отнюдь не ставлю ему в упрек, что он пишет для того круга читателей, в котором ожидает встретить наибольший отклик. Вообще у меня ведь нет никаких личных причин питать неудовольствие против вашей газеты, господин Ховстад.

Ховстад. И я так думаю.

Фогт. В сущности, у нас в городе господствует прекрасный дух терпимости... истинно мирный гражданский дух. И происходит это оттого, что у нас есть большое общее дело... одинаково дорогое всем благомыслящим согражданам.

Ховстад. Наш курорт, да.

Фогт. Именно. Наша грандиозная новая великолепная водолечебница. Увидите, она станет главнейшим жизненным источником города, господин

Ховстад. Без сомнения!

Фру Стокман. И Томас то же говорит.

Фогт. Какой необычайный подъем нашего местечка наблюдается за последние годы! Капиталы пошли в оборот, все оживилось. Дома и земельные участки растут в цене с каждым днем.

Ховстад. И число безработных убывает.

Фогт. И это тоже. Расходы по призрению бедных, лежащие на имущие классы, отрадно уменьшаются и уменьшатся еще, если сезон в этом году выдастся вполне благоприятный и съезд гостей будет многочисленным... то есть наплыв больных, которые составляют реноме курорту.

Ховстад. И на это, как я слышал, имеются все виды.

Фогт. Виды весьма многообещающие. Ежедневно поступают запросы о помещениях и тому подобном.

Ховстад. Так статья доктора явится как раз кстати.

Фогт. Он опять написал что-нибудь такое?

Ховстад. Написал-то он еще зимой... статью о курорте; в ней подчеркнуты все благоприятные гигиенические условия нашего местечка. Но я тогда отложил печатание.

Фогт. Ага! Была, вероятно, какая-нибудь загвоздка?

Ховстад. Нет, не потому, но мне казалось, что лучше подождать до середины весны; теперь ведь как раз люди начинают шевелиться, подумывать, где провести лето.

Фогт. Весьма правильно, чрезвычайно правильно, господин Ховстад.

Фру Стокман. Да, уж где коснется курорта, Томас просто неутомим.

Фогт. На то он и курортный врач.

Ховстад. Да он же первый и затеял все.

Фогт. Он? Вот как!.. Да, мне приходится иногда слышать, что есть люди, которые держатся этого мнения. Но я, право, думаю, что и мне тоже принадлежит скромная доля участия в данном предприятии.

Фру Стокман. Томас всегда это говорит.

Ховстад. Да кто же это отрицает, господин Фогт? Вы двинули дело, осуществили его на практике; это всем нам известно. Я говорю только, что идею подал доктор.

Фогт. Да, идей у моего брата в свое время было хоть отбавляй... к сожалению. Но когда доходит до настоящего дела, нужны люди другого закала, господин Ховстад. И, право, я полагал, что, по крайней мере, здесь в доме...

Фру Стокман. Но, дорогой зять...

Ховстад. Помилуйте, господин Фогт.

Фру Стокман. Так подите же закусите немножко, господин Ховстад, а тем временем, верно, и муж придет.

Ховстад. Спасибо... чуточку, пожалуй... (*Уходит в столовую.*)

Фогт (*понизив голос*). Замечательно, что эти люди, вышедшие непосредственно из крестьянского сословия, никак не могут отделаться от своей бестактности.

Фру Стокман. Ну, стоит ли обращать внимание! Или вы с Томасом не можете поделить честь по-братски?

Фогт. Казалось бы, так, но не все, как видно, согласны делиться.

Фру Стокман. Ну, что там говорить о других! Вы-то с Томасом ведь отлично ладите. (*Прислушиваясь.*) Вот теперь, кажется, он. (*Идет и открывает дверь в переднюю.*)

Доктор Стокман (*смеясь и шумно разоблачаясь в прихожей*). Вот тебе еще гость, Катрине! Что, рада? А?.. Милости прошу, капитан Хорстер, повесьте пальто на крючок. Ах да, вы без пальто... Представь себе, Катрине, поймал его на улице и еле затащил к нам!

Капитан Хорстер входит и раскланивается.

(*В дверях.*) Марш в столовую, мальчуганы. Знаешь, Катрине, они опять голоднехоньки! Сюда, капитан Хорстер, сейчас отведаете такого ростбифа... (*Тащит Хорстера в столовую.*)

Эйлиф и Мортен идут туда же.

Фру Стокман. Томас, разве ты не видишь?..

Доктор Стокман (*оборачиваясь в дверях*). А-а, ты, Петер? (*Подходит и протягивает ему руку.*) Вот это славно.

Фогт. К сожалению, я должен сейчас уйти...

Доктор Стокман. Вздор, сейчас подадут пунш. Ты ведь не забыла про пунш, Катрине?

Фру Стокман. Конечно, нет. Вода уже кипит. (*Уходит в столовую.*)

Фогт. И пунш еще!..

Доктор Стокман. Да, усаживайся, вот славно будет.

Фогт. Спасибо, я никогда не участвую в пирушках...

Доктор Стокман. Да какая же это пирушка!

Фогт. Однако... (*Смотрит в столовую.*) Удивительно, как это они могут поглощать столько!

Доктор Стокман (*потирая руки*). Просто любо-дорого смотреть, как молодежь ест! Всегда у них аппетит! Так оно и следует. Им надо есть! Набираться сил! Вот кому предстоит месить опару будущего, Петер.

Фогт. Смею спросить, как это «месить»... как ты выражаешься?

Доктор Стокман. А это ты спроси у молодежи... когда придет время. Мы-то, разумеется, этого уж не увидим. Само собой. Два таких старых хрыча, как мы с тобой...

Фогт. Ну-ну, однако! Крайне странная манера выражаться...

Доктор Стокман. Э, не ставь мне всякое лыко в строку, Петер. Надо тебе сказать... у меня так весело, приятно на душе. Чувствую себя невыразимо счастливым среди этой пробуждающейся, брызжущей изо всех пор молодой жизни. Это, право же, чудесное время, в которое мы живем! Вокруг нас как будто расцветает целый мир.

Фогт. В самом деле? Ты находишь?

Доктор Стокман. Тебе-то, конечно, это не так заметно, как мне. Ты всю жизнь прожил тут, в этих условиях, и впечатлительность у тебя притупилась. А я столько лет пробыл там, на севере, в захолустье, где почти не видать свежего человека, от которого можно было бы услышать живое слово, что на меня теперь все это производит такое впечатление, как будто я очутился в самом водовороте мирового города.

Фогт. Гм... мирового города...

Доктор Стокман. Ну, понятно, я знаю – условия жизни здесь мизерны в сравнении с многими другими местами. Но и здесь кипит жизнь с ее упованиями, с бесчисленным множеством задач, ради которых стоит работать, бороться, а *это* главное. (*Кричит.*) Катрине, почтальона не было?

Фру Стокман (*из столовой*). Нет, никого не было.

Доктор Стокман. И потом хороший заработок, Петер! Вот что научишься ценить, пожив, как мы, впроголодь...

Фогт. Помилуй...

Доктор Стокман. Да, да, поверь, нам не раз приходилось крутенько. А теперь живем, как помещики! Сегодня, например, у нас за обедом был ростбиф. Еще и на ужин осталось. Не отведаешь ли кусочек? Или дай хоть показать тебе его... Поди сюда...

Фогт. Нет, нет, ни в коем случае...

Доктор Стокман. Ну, так поди же сюда. Видишь, мы обзавелись скатертью?

Фогт. Да, заметил.

Доктор Стокман. И абажуром. Видишь? Все Катрине сэкономила. И комната сразу стала уютнее. Как ты находишь? Стань-ка вон там... нет, нет,

не так. Ну вот, теперь так. Видишь, когда оттуда падает такой яркий свет, право, гостиная выходит презлегантной. А?

Фогт. Да, если можно позволить себе такого рода роскошь...

Доктор Стокман. О да, теперь-то мжно. Катрине говорит, что я зарабатываю почти как раз столько, сколько нам нужно на жизнь.

Фогт. Почти – да!

Доктор Стокман. Но человек науки ведь и вправе жить немножко пошире. Я уверен, что простой амтман тратит в год куда больше моего.

Фогт. Еще бы! Амтман, высшее административное лицо...

Доктор Стокман. Ну, так скажем – простой коммерсант. Этот народ живет еще куда шире.

Фогт. Таковы условия жизни.

Доктор Стокман. В конце концов и я, право, не трачу денег зря, Петер. Но не лишать же мне себя истинного удовольствия – принимать у себя людей. Мне это, видишь ли, прямо необходимо. Столько лет я просидел там в глуши отшельником. Теперь для меня стало насущной потребностью общение с молодыми, смелыми, бодрыми людьми, свободомыслящими, полными жажды деятельности... А вон те там, что сидят и едят на доброе здоровье, как раз такого сорта. Мне бы хотелось, чтоб ты поближе узнал Ховстада...

Фогт. Ах да, Ховстад сказал, что опять собирается напечатать какую-то твою статью.

Доктор Стокман. Мою статью?

Фогт. Да, о курорте. Статью, что ты писал еще зимой.

Доктор Стокман. Ах, ту... да! Но ее я пока не хочу пускать.

Фогт. Нет? А по-моему, теперь как раз самое подходящее время.

Доктор Стокман. Да, это так, положим, при обыкновенных обстоятельствах... (*Ходит по комнате.*)

Фогт (*следит за ним взглядом*). А что же такого экстраординарного в данных обстоятельствах?

Доктор Стокман (*останавливаясь*). Видишь, Петер, я, честное слово, не могу пока сказать тебе этого. Во всяком случае, не сегодня. Пожалуй, в данных обстоятельствах и много необыкновенного, а может, и ровно ничего. Весьма возможно, что все это одно воображение.

Фогт. Признаюсь, это в высшей степени загадочно. Предвидится что-нибудь неприятное, что хотят скрыть от меня? Полагал бы, однако, что в качестве председателя правления курорта....

Доктор Стокман. А я полагал бы, что в качестве... Ну ладно, не вцепляться же нам друг другу в волосы, Петер.

Фогт. Боже избави. У меня нет этой привычки вцепляться в волосы, как ты выражаешься. Но я должен неукоснительнейше настаивать на том, чтобы все мероприятия ставились на обсуждение по-деловому и проводились установленным порядком через законные власти. Я не могу допустить никаких обходов или подходов с заднего крыльца.

Доктор Стокман. Разве я когда-нибудь прибегал к обходам или подходам?

Фогт. Во всяком случае, у тебя врожденная склонность ходить своими особыми путями, а это в благоустроенном обществе почти столь же недопустимо. Отдельному человеку приходится, в самом деле, подчиняться интересам целого или, вернее, подчиняться властям, кои стоят на страже общего блага.

Доктор Стокман. Весьма возможно. Но мне-то кой черт до этого?

Фогт. Да вот этого-то как раз ты, милый Томас, по-видимому, и не желаешь себе усвоить. Но смотри, тебе еще когда-нибудь придется поплатиться за это, рано или поздно. Так и знай. Прощай.

Доктор Стокман. Да ты просто спятил! Не туда заехал...

Фогт. Ну, этого со мной не бывает. И вообще я просил бы избавить меня... (Кланаясь по направлению столовой.) Прощайте, невестка. Прощайте, господа. *(Уходит.)*

Фру Стокман *(входя в комнату)*. Ушел?

Доктор Стокман. Да. Совсем взбеленился.

Фру Стокман. Чем это ты опять рассердил его, милый Томас?

Доктор Стокман. Да ровно ничем. Не может же он требовать, чтобы я давал ему отчет... прежде времени.

Фру Стокман. А какого же отчета он от тебя требовал?

Доктор Стокман. Гм... предоставь это мне, Катрине... Удивительно, что почтальона все нет.

Ховстад, Биллинг и Хорстер встают из-за стола и входят в гостиную. Немного погодя за ними следуют Эйлиф и Мортен.

Биллинг *(потягиваясь)*. А-а! Убей меня бог... после такого ужина чувствуешь себя прямо новым человеком.

Ховстад. А Фогт, кажется, был не в духе сегодня?

Доктор Стокман. Это все от желудка. Плохо варит у него.

Ховстад. Особенно плохо, пожалуй, переваривает нас с «Народным вестником».

Фру Стокман. Вы-то, кажется, ничего... довольно мирно разошлись с

ним.

Ховстад. Да, но это только так... вроде перемирия.

Биллинг. Верно! Это слово исчерпывает положение.

Доктор Стокман. Не надо забывать, что Петер человек одинокий, бедняга. Нет у него семьи, домашнего уюта; все только дела, дела. А потом эта треклятая чайная водица, которую он вечно лакает. Эй вы, мальчуганы!

Подвигайте-ка стулья. Катрине, дадут нам сюда пуншу?

Фру Стокман (*направляясь в столовую*). Сейчас подам.

Доктор Стокман. Вы со мной на диван, капитан Хорстер. Такой редкий гость!.. Пожалуйста, садитесь, друзья.

Мужчины садятся к столу. Фру Стокман приносит поднос с кипятивником, стаканами, графинами и прочими принадлежностями.

Фру Стокман. Ну вот: тут и арак, и ром, и коньяк. Теперь пусть каждый сам себя угощает. (*Отходит.*)

Доктор Стокман (*берет стакан*). Сумеет. (*Приготовляет пунш.*) И сигары сюда! Эйлиф, ты, небось, знаешь, где стоит ящик. А ты, Мортен, принеси мою трубку.

Мальчики убегают в комнату направо.

Я подозреваю, что Эйлиф иной раз таскает у меня сигары, но и виду не подаю. (*Кричит.*) Дай мне и шапочку мою, Мортен!.. Катрине, может быть, ты скажешь ему, куда я ее девал? А, он уже нашел ее!

Мальчики приносят все, что было велено.

Сделайте одолжение, друзья! Я, вы знаете, держусь своей трубки. Вот эта самая не раз странствовала со мной там по северу во всякую погоду и непогоду. (*Чокаясь.*) Ваше здоровье! А-а!.. Да, оно куда приятнее сидеть тут в тепле и уюте.

Фру Стокман (*занимаясь вязаньем*). Вам скоро опять в путь, капитан Хорстер?

Хорстер. На будущей неделе, я думаю, будем готовы.

Фру Стокман. В Америку?

Хорстер. Да, по-видимому.

Биллинг. Так вам, значит, не удастся принять участие в местных выборах.

Хорстер. Разве предстоят новые выборы?

Биллинг. А вы не знаете?

Хорстер. Нет, я в эти дела не мешаюсь.

Биллинг. Но вы же интересуетесь общественными делами?

Хорстер. Нет, я в них ничего не понимаю.

Биллинг. Все-таки; надо, по крайней мере, участвовать в подаче голосов.

Хорстер. Даже тем, кто ничего в этих делах не смыслит?

Биллинг. Смыслит? То есть что вы хотите сказать? Общество – тоже вроде корабля. Весь экипаж должен участвовать в управлении им.

Хорстер. Быть может, так полагается на суше, а на корабле из этого ничего путного не вышло бы.

Ховстад. Странно, как мало моряки в большинстве случаев интересуются делами страны.

Биллинг. Просто удивительно.

Доктор Стокман. Моряки – что птицы перелетные. Они везде дома – и на юге и на севере. Зато тем энергичнее надо действовать нам, остальным, господин Ховстад. Не появится ли завтра в «Народном вестнике» чего-нибудь такого общественно полезного?

Ховстад. По части городских дел – ничего. Но послезавтра я полагал пустить вашу статью...

Доктор Стокман. Ах, черт, мою статью! Нет, слушайте, вам придется подождать с ней.

Ховстад. Разве? А у нас и место сейчас есть, да и время, мне казалось, самое подходящее...

Доктор Стокман. Да, да, оно, пожалуй, так, но все-таки вам придется пообождать. Потом я вам объясню...

Из передней входит Петра в шляпе и пальто, с тетрадями под мышкой.

Петра. Здравствуйте.

Доктор Стокман. Здравствуй, Петра. И ты пришла?

Обмен поклонами. Петра складывает свои вещи и тетради на стул у дверей.

Петра. Вы вот тут сидите себе, угощаетесь, а я все на ногах, за работой...

Доктор Стокман. Ну, теперь и ты присаживайся, угощайся.

Биллинг. Приготовить вам стаканчик?

Петра (*подходя к столу*). Спасибо, я лучше сама. Вы всегда готовите слишком крепко. Ах да, отец, у меня есть письмо тебе. (*Идет к стулу, где лежат ее вещи.*)

Доктор Стокман. Письмо? От кого?

Петра (*ища в кармане пальто*). Почтальон мне отдал... как раз когда я выходила из дому...

Доктор Стокман (*встает и идет к ней*). И ты сейчас только собралась отдать?

Петра. Но, право же, мне некогда было снова подниматься вверх. Изволь.

Доктор Стокман (*хватая письмо*). Посмотрим, посмотрим, дочка. (*Глядит на адрес.*) Да, да, совершенно верно!

Фру Стокман. Это самое ты так ждал, Томас?

Доктор Стокман. Именно. Надо сейчас же пойти... Где бы взять свечу? Катрине! Опять в моей комнате нет лампы?

Фру Стокман. Как же, горит у тебя на письменном столе.

Доктор Стокман. Хорошо, хорошо. Извините меня, на минутку. (*Уходит в комнату направо.*)

Петра. Что это может быть такое, мама?

Фру Стокман. Не знаю. Последнее время он то и дело спрашивал, не было ли чего с почты.

Биллинг. Вероятно, иногородний пациент...

Петра. Бедный отец! Скоро его совсем завалит работой. (*Приготавливает себе пуши.*) Вот вкусно-то будет!

Ховстад. У вас и сегодня были занятия в вечерней школе?

Петра (*отхлебывая*). Два часа.

Биллинг. Да утром четыре часа в институте?..

Петра (*присаживаясь к дверям*). Пять.

Фру Стокман. А вечером предстоит еще поправлять тетрадки, как вижу.

Петра. Целую кипу.

Хорстер. И вы, по-видимому, совсем завалены работой.

Петра. Да, но это хорошо. Такая славная усталость потом...

Биллинг. А вам это нравится?

Петра. Да, так крепко спится зато.

Мортен. Ты, верно, ужасная грешница, Петра?

Петра. Грешница?

Мортен. Ну да... что работаешь так много. Господин Рерлун говорит, что работа – это наказание за наши грехи.

Эйлиф (*презрительно фыркает*). Какой ты глупый, что веришь этому!

Фру Стокман. Ну-ну, Эйлиф!

Биллинг (*смеясь*). Нет, это чудесно!

Ховстад. А тебе не хочется так много работать, Мортен?

Мортен. Нет.

Ховстад. Кем же хотелось бы тебе быть?

Мортен. Лучше всего викингом.

Эйлиф. Так ведь тебе бы пришлось быть язычником!

Мортен. Ну и пусть бы я был язычником.

Биллинг. Я с тобой согласен, Мортен! Скажу то же самое.

Фру Стокман (*делая знак ему*). Ну, конечно, нет, господин Биллинг!

Биллинг. Убей мейя бог!.. Я и в самом деле язычник и горжусь этим.

Увидите, скоро мы все будем язычниками.

Мортен. И тогда можно будет делать все, что захочется?

Биллинг. То есть, видишь ли, Мортен...

Фру Стокман. Подите-ка теперь к себе, мальчуганы, у вас, верно, еще не все уроки готовы на завтра.

Эйлиф. Мне-то еще можно было бы посидеть...

Фру Стокман. Нет, и тебе нельзя. Ступайте оба.

Мальчики прощаются и уходят в комнату налево.

Ховстад. Так вы полагаете, что мальчикам вредно слушать такие разговоры?

Фру Стокман. Уж не знаю, но мне это не по душе.

Петра. Ну, мама, это, право, совсем нелепо.

Фру Стокман. Может быть. Но раз мне не по душе?.. По крайней мере не у нас дома.

Петра. Столько неправды и дома и в школе. Дома надо молчать, а в школе нам приходится прямо лгать детям.

Хорстер. Вам приходится лгать?

Петра. Или вы думаете, нам не приходится учить их многому, во что мы сами не верим?

Биллинг. Это уж вернее верного.

Петра. Будь только у меня средства, я бы открыла свою школу и там бы все иначе поставила.

Биллинг. Ну, какие там средства!...

Хорстер. Если вам так этого хочется, фрекен Стокман, то помещение я могу вам предоставить. Старый большой дом покойного отца стоит почти пустой. В нижнем этаже огромная зала...

Петра (*смеясь*). Да, да, спасибо вам. Только вряд ли что-нибудь выйдет из этого.

Ховстад. Нет, фрекен Петра скорее, кажется, перейдет в наш лагерь – газетных работников. Ах да, успели ли вы просмотреть английский рассказ, который обещали перевести для нашей газеты?

Петра. Нет еще, но не бойтесь – получите вовремя.

Доктор Стокман (*выходит из кабинета, размахивая распечатанным конвертом*). Ну, господа, вот так новость для города!

Биллинг. Новость?

Фру Стокман. Какая же новость?

Доктор Стокман. Большое открытие, Катрине!

Ховстад. Да?

Фру Стокман. И это ты его сделал?

Доктор Стокман. Именно. (*Расхаживая по комнате.*) Пусть-ка теперь по обыкновению скажут, что все это одни пустые выдумки да сумасбродные затеи! Небось, остерегутся! Ха-ха! Остерегутся, я думаю!

Петра. Да скажи же, в чем дело, отец!

Доктор Стокман. Дай срок, дай срок, все узнаете. Ах, будь тут сейчас Петер! Да, вот и видно, как мы, люди, можем иногда быть слепы... словно кроты.

Ховстад. Что вы, собственно, хотите сказать, господин доктор?

Доктор Стокман (*останавливаясь у стола*). Не все ли здесь того мнения, что наш городок – здоровое место?

Ховстад. Само собой понятно.

Доктор Стокман. Даже необычайно здоровое место... которое следует усерднейшим образом рекомендовать и больным и здоровым.

Фру Стокман. Но, милый Томас...

Доктор Стокман. Мы так и делали... рекомендовали, расхваливали. Я писал и в «Народном вестнике», и в брошюрах...

Ховстад. Ну да, и что же?

Доктор Стокман. Затем у нас есть водолечебница, называемая и главной артерией, и жизненным нервом города, и черт знает еще чем!..

Биллинг. «Бьющимся сердцем города»... как я раз выразился при одном торжественном случае...

Доктор Стокман. Ну вот, вот. А знаете ли вы, что такое, в сущности, эта грандиозная, великолепная хваленая водолечебница, стоившая таких

громадных денег, знаете ли вы, что она такое?

Ховстад. Нет. Что же она такое?

Фру Стокман. Ну, что же она?..

Доктор Стокман. Заразная яма.

Петра. Водолечебница, отец!

Фру Стокман (*одновременно*). Наша водолечебница!

Ховстад (*так же*). Но, доктор...

Биллинг. Прямо невероятно!

Доктор Стокман. Вся водолечебница – повапленный гроб, полный заразы! Опасность для здоровья – сильнейшая! Вся эта мерзость из Мельничной долины... вся эта вонючая гадость... заражает воду, которая идет по водопроводным трубам в здание, где пьют воды. И эта же ядовитая дрянь просачивается на берегу...

Хорстер. Где морские купанья?

Доктор Стокман. Именно.

Ховстад. Откуда у вас такая уверенность, господин доктор?

Доктор Стокман. Я изучил все условия самым добросовестным образом. О, я долго носился с этим подозрением. В прошлом году у нас были какие-то странные, необъяснимые заболевания среди приезжих больных... тифозные и гастрические случаи...

Фру Стокман. Да, да, были, были.

Доктор Стокман. Мы тогда полагали, что гости привезли заразу с собой. Но потом... зимою... я стал смотреть на дело иначе. И принялся исследовать воду, насколько было возможно.

Фру Стокман. Так вот с чем ты так возился!

Доктор Стокман. Да, уж можно сказать, повозился, Катрине! Но где тут достать все нужные приборы и прочие приспособления? Вот я и послал пробы и питьевой воды и морской в университет для точного химического анализа.

Ховстад. И теперь получили его?

Доктор Стокман (*показывая письмо*). Вот!.. Констатировано содержание гнилостных органических веществ в воде... масса бактерий. Так что вода эта безусловно вредна для здоровья... и при внутреннем и при наружном употреблении.

Фру Стокман. Вот счастье, что ты вовремя открыл это!

Доктор Стокман. Что и говорить!

Ховстад. Что же вы намерены теперь делать, доктор?

Доктор Стокман. Разумеется, постараться поправить дело.

Ховстад. Так это возможно?

Доктор Стокман. Необходимо. Не то вся лечебница пропала, погибла. Но этого нечего бояться. Я вполне уяснил себе, что именно следует предпринять.

Фру Стокман. Но как это ты держал все в таком секрете, милый Томас?

Доктор Стокман. А что же мне было – рыскать по городу да болтать прежде, чем я вполне убедился? Нет, спасибо, я не такой дурак.

Петра. Ну, нам-то, домашним...

Доктор Стокман. Ни единой душе. Но завтра можешь забежать к «барсуку»...

Фру Стокман. Ах, Томас!..

Доктор Стокман. Ну-ну, скажем, к дедушке. Вот удивится старик! Он ведь считает меня полоумным. Да и не он один, а многие, как я успел заметить. Ну, теперь эти добрые люди увидят... Покажу я им... (*Ходит по комнате, потирая руки.*) Вот кутерьма-то поднимется в городе, Катрине! Представить себе не можешь. Всю водопроводную сеть придется перекладывать заново!

Ховстад. Всю сеть?..

Доктор Стокман. Само собой. Приемник лежит слишком низко, – надо перенести его значительно выше.

Петра. Значит, ты был прав тогда!

Доктор Стокман. Да, ты помнишь, Петра? Я писал тогда, протестовал... когда они еще только приступали к прокладке. Но никто меня слушать не хотел. Ну и задам же я им теперь!.. Я ведь, естественно, составил целый доклад правлению курорта. Уже с неделю готов у меня. Я только дожидался этого письма. А теперь сейчас же отправлю доклад. (*Уходит к себе и затем возвращается с небольшой пачкой исписанных листков.*) Вот! Целых четыре мелко исписанных листа! И письмо это приложу... Газету, Катрине! Дай во что завернуть... Хорошо. Вот так. Отдай это... э-э... (*Топнув ногой.*) Ну, черт, как ее там зовут?.. Отдай, словом, девушке и вели сейчас же снести к Фогту.

Фру Стокман уходит с пакетом через столовую.

Петра. А что, по-твоему, скажет дядя Петер, отец?

Доктор Стокман. Он-то что скажет? Да, ему, верно, останется только радоваться обнаружению такой важной истины.

Ховстад. Вы позволите поместить в «Народном вестнике» маленькую заметку о вашем открытии?

Доктор Стокман. И еще спасибо вам скажу.

Ховстад. Желательно ведь, чтобы публика узнала об этом возможно скорее.

Доктор Стокман. Без сомнения.

Фру Стокман (*возвращается*). Девушка пошла.

Биллинг. Убей меня бог, если вы не будете у нас первым человеком в городе, господин доктор!

Доктор Стокман (*весело прохаживаясь по комнате*). Э, что там! В сущности, я ведь только исполнил свой долг. Мне посчастливилось откопать клад, вот и все. Но, конечно...

Биллинг. Ховстад, как по-вашему, не следует ли городу почтить доктора Стокмана процессией с флагами?

Ховстад. Во всяком случае, я подниму этот вопрос.

Биллинг. А я поговорю насчет этого с Аслаксом.

Доктор Стокман. Нет, друзья мои, бросьте свои затеи. Я знать не хочу никаких таких фокусов. И если бы правлению курорта вздумалось прибавить мне по этому случаю жалованья, я не приму. Слышишь, Катрине, – не приму.

Фру Стокман. И хорошо сделаешь, Томас.

Петра (*поднимая стакан*). За здоровье отца!

Ховстад и Биллинг. За ваше здоровье, господин доктор!

Хорстер (*чокаясь с доктором*). Дай вам бог удачи!

Доктор Стокман. Спасибо, спасибо, дорогие друзья. Я сердечно рад... Отрадно ведь сознавать, что сослужил службу своему родному городу и своим согражданам. Ура, Катрине! (*Обвивает ее шею руками и кружится с ней по комнате.*)

Фру Стокман вскрикивает и отбивается. Общий смех, хлопанье в ладоши и крики «ура» в честь доктора. Мальчики высовывают головы из дверей.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Та же комната. Дверь в столовую затворена. Утро.

Фру Стокман (*с запечатанным письмом в руке выходит из столовой, идет к двери первой комнаты направо и заглядывает туда*). Ты дома, Томас?

Доктор Стокман (*из кабинета*). Только что вернулся. (*Входит.*) Что-нибудь есть?

Фру Стокман. Письмо от твоего брата. (*Передает ему письмо.*)

Доктор Стокман. Ага! Посмотрим. (*Вскрывает и читает.*) «Возвращая при сем присланную рукопись...» (*Бормочет вполголоса, читая дальше.*) Гм...

Фру Стокман. Что же он пишет?

Доктор Стокман (*пряча письмо в карман*). Да ничего, кроме того, что сам зайдет около полудня.

Фру Стокман. Так ты смотри, не забудь – оставайся дома.

Доктор Стокман. Можно. Я уже закончил свои утренние визиты.

Фру Стокман. Ужасно любопытно узнать, как он это примет.

Доктор Стокман. Увидишь, ему не очень-то по вкусу придется, что это я открыл, а не он сам.

Фру Стокман. Так и ты этого боишься?

Доктор Стокман. Ну, в сущности, ему это будет на руку, понимаешь? Но все-таки... Петер так и трясется, как бы кто другой, кроме него, не оказался полезным городу.

Фру Стокман. Но знаешь что, Томас? В таком случае... будь умницей и подели с ним честь пополам. Нельзя разве представить дело так, будто он навел тебя на мысль?..

Доктор Стокман. Да по мне все едино. Только бы как-нибудь поправить самое дело, а там...

Старый Мортен Хиль (*высовывает голову из дверей передней, пылливо озирается, смеивается про себя и затем лукаво спрашивает*). Это правда?

Фру Стокман (*идя к нему*). Отец... ты!

Доктор Стокман. Да неужели тесть? Здравствуйте, здравствуйте!

Фру Стокман. Войди же.

Мортен Хиль. Если правда – ладно, а то уйду.

Доктор Стокман. Да что правда-то?

Мортен Хиль. Эта ерунда с водопроводом. Правда, что ли?

Доктор Стокман. Разумеется, правда. Но в ы – т о как узнали?

Мортен Хиль (входя). Петра забежала ко мне по дороге в школу...

Доктор Стокман. Да ну?

Мортен Хиль. Да-а. И рассказала... Я было подумал, не морочит ли она меня... да нет, не похоже на нее.

Доктор Стокман. Ну как вы могли подумать!

Мортен Хиль. О, верить никому нельзя, – оглянуться не успеешь, как в дураках останешься... Так это все-таки правда?

Доктор Стокман. Совершенная правда. Да присядьте вы, тесь! (Усаживает его на диван.) Вот счастье для города, не правда ли?..

Мортен Хиль (едва удерживаясь от смеха). Счастье для города?

Доктор Стокман. Ну да, что я сделал это открытие вовремя...

Мортен Хиль (по-прежнему). Да, да, да! Но вот никогда бы не подумал, что вы сыграете такую шутку с родным братом.

Доктор Стокман. Шутку?..

Мортен Хиль (опираясь подбородком на руки, сложенные на набалдашнике трости, и лукаво подмигивает доктору). В чем, бишь, дело? В водопроводных трубах завелись этикие козявки?

Доктор Стокман. Да, бактерии.

Мортен Хиль. И страсть сколько их там развелось, говорит Петра. Тьма-тьмущая?

Доктор Стокман. Да, да, пожалуй, сотни тысяч.

Мортен Хиль. И видеть их никто не видит – так, что ли?

Доктор Стокман. Да, видеть их нельзя.

Мортен Хиль (смеясь тихим клокоющим смешком). Лучше этого, черт меня побери, я еще не слыхивал от вас.

Доктор Стокман. То есть... как это понять?

Мортен Хиль. Только вам никогда в жизни не втемяшить этого Фогту.

Доктор Стокман. Ну, это мы увидим.

Мортен Хиль. Или вы думаете, он так глуп?

Доктор Стокман. Я думаю, что весь город будет так глуп.

Мортен Хиль. Весь город! Да, чего доброго, право слово! Но так им и надо, так и надо. Хотели быть умнее нас, стариков. Выпихнули меня из правления. Да, да, выпихнули, как собаку! Забаллотировали! Так вот же им! Сыграйте с ними шутку, Стокман!

Доктор Стокман. Но послушайте же, тесь...

Мортен Хиль. Сыграйте шутку, говорю вам. (Встает.) Коли вам

удастся посадить Фогта с его друзьями в лужу, я сию же минуту дам сто крон в пользу бедных.

Доктор Стокман. А, это очень мило с вашей стороны.

Мортен Хиль. Да, вы понимаете, мне не из чего особенно раскошелиться, но, коли вам это удастся, уж не пожалею раздать бедным к рождеству с полсотенки.

Из передней входит Ховстад.

Ховстад. Здравствуйте! (*Останавливаясь.*) Ах, извините...

Доктор Стокман. Ничего, входите, входите.

Мортен Хиль (*опять с тем же смехом*). И он! И он заодно?

Ховстад. То есть в каком смысле?

Доктор Стокман. Разумеется, заодно.

Мортен Хиль. Так я и думал! Пойдет в газеты. И ловкач же вы, Стокман! Ну, налаживайте дело, а я себе пойду.

Доктор Стокман. Да посидите вы, тесть.

Мортен Хиль. Нет, пойду теперь. А вы хорошенько их, хорошенько. Не бойтесь, в накладе не останетесь. (*Уходит.*)

Фру Стокман провожает его.

Доктор Стокман (*смеясь*). Представьте себе, старик ни слову не верит насчет водопровода.

Ховстад. Так он насчет этого?..

Доктор Стокман. Да, мы об этом с ним толковали. И вы, пожалуй, по этому же поводу пришли?

Ховстад. Да, да. Можете уделить мне минутку-другую, господин доктор?

Доктор Стокман. Сколько угодно, дорогой мой.

Ховстад. Что-нибудь слышали уже от Фогта?

Доктор Стокман. Нет еще. Сам потом зайдет.

Ховстад. Я таки пораздумал со вчерашнего вечера над этим делом.

Доктор Стокман. Ну?

Ховстад. Для вас, как врача и человека науки, этот случай с водопроводом нечто такое – само по себе. Я хочу сказать, вам не приходит на ум, что дело это находится в самой тесной связи с многими другими вопросами?

Доктор Стокман. То есть как это? Присядемте, дорогой мой... Нет, на

диван.

Ховстад садится на диван, доктор – в кресло по другую сторону стола.

Ну? Так вы, значит, полагаете...

Ховстад. Вы говорили вчера, что причина порчи воды – загрязненность почвы.

Доктор Стокман. Да, без сомнения, источник зла – заражное болото в Мельничной долине.

Ховстад. Извините, господин доктор, а я думаю, источник совсем в ином болоте.

Доктор Стокман. Что же это за болото?

Ховстад. Болото, в котором погрязло и гниет все наше городское общественное самоуправление.

Доктор Стокман. Однако, черт побери, господин Ховстад, куда вы хватили!

Ховстад. Все городские дела мало-помалу забрала в свои руки кучка чиновников...

Доктор Стокман. Ну, не все же они чиновники.

Ховстад. Нет, но те, которые сами не чиновники, во всяком случае, друзья и сторонники чиновников. Это все богатые люди, люди, принадлежащие к старинным, именитым фамилиям города. Вот кто правит нами.

Доктор Стокман. Да, но они ведь, по правде сказать, способные, дельные люди.

Ховстад. Доказательство этому – прокладка водопровода там, где они его проложили?

Доктор Стокман. Нет, это, само собой, с их стороны была большая глупость. Но ведь она будет исправлена.

Ховстад. Вы думаете... не будет никаких зацепок?

Доктор Стокман. Будут они или не будут, а дело должно быть сделано во всяком случае.

Ховстад. Да, если пресса возьмется за него.

Доктор Стокман. Не будет нужды, дорогой мой. Я уверен, что брат мой...

Ховстад. Извините, господин доктор, но я хочу вас предупредить, что намерен серьезно взяться за это дело.

Доктор Стокман. В газете?

Ховстад. Да. Когда я принял «Народный вестник», у меня было намерение во что бы то ни стало прорвать этот заколдованный круг старых упрямых мумий, которые забрали себе всю власть.

Доктор Стокман. Но вы сами же рассказывали мне, чем это кончилось. Вы едва не погубили газету.

Ховстад. Да, тогда пришлось сложить оружие, это совершенно верно. Тогда можно было опасаться, что курорта не создать, если те люди падут. Но теперь он создан, и без этих знатных господ можно обойтись.

Доктор Стокман. Обойтись – да, но мы все-таки многим обязаны им.

Ховстад. Им и будет воздана должная честь. Но публицист-демократ, как я, не может упустить такого случая. Надо пошатнуть эту басню насчет непогрешимости заправил. Это суеверие надо искоренить, как всякое другое.

Доктор Стокман. Насчет этого я согласен с вами от всей души, господин Ховстад; если это суеверие, то долой его.

Ховстад. Мне не очень хотелось бы задевать Фогта – он ваш брат. Но и вы, верно, того же мнения, что истина прежде всего.

Доктор Стокман. Само собой, само собой... (С жаром.) Но все же!.. Все же!..

Ховстад. Вы не перетолкуйте моих побуждений в дурную сторону. Я не своекорыстнее и не честлюбивее большинства людей.

Доктор Стокман. Но, дорогой мой... кому же это придет в голову?

Ховстад. Я из простого звания, как вы знаете, и имел-таки возможность узнать главные нужды низших слоев общества, а это важно, чтобы принимать участие в управлении общественными делами, господин доктор. Это развивает и способности, и знания, и чувство личного достоинства..

Доктор Стокман. Я это отлично понимаю...

Ховстад. Да, и вот мне кажется, что упустить удобный случай поднять и освободить народ, малых сих, униженных и угнетенных, – большой грех для журналиста. Я хорошо знаю, что в лагере сильных это назовут подстрекательством с моей стороны и тому подобными именами, но пусть их... Лишь бы совесть у меня была чиста...

Доктор Стокман. Именно! Именно так, милейший господин Ховстад. Но все-таки... черт!..

Стучат.

Войдите!

В дверях передней показывается Аслаксен. Одет скромно, но прилично, в черной паре, в белом, несколько помятом галстуке, в перчатках и с цилиндром в руках.

Аслаксен (кланяясь). Прошу прощения, господин доктор, что взял на себя смелость...

Доктор Стокман (встает). Глядите-ка, да ведь это хозяин типографии Аслаксен!

Аслаксен. Я самый, господин доктор.

Ховстад. Вы не за мной ли, Аслаксен?

Аслаксен. Нет, я не знал, что застану вас тут. Мне, собственно, с самим доктором...

Доктор Стокман. Чем могу быть полезен?

Аслаксен. Правда ли, что я слышал от господина Биллинга... будто господин доктор задумал выхлопотать нам водопровод получше?

Доктор Стокман. Да, для водолечебницы.

Аслаксен. Так, так, понимаю. Так вот я и пришел сказать, что это дело я готов поддерживать всеми силами.

Ховстад (доктору). Видите?

Доктор Стокман. Сердечное вам спасибо за это, но...

Аслаксен. Потому что вам, пожалуй, не лишнее будет иметь за собою нас, мелких обывателей. Мы составляем тут в городе в некотором роде сплоченное большинство... когда захотим, то есть. А всегда хорошо иметь за собой большинство, господин доктор.

Доктор Стокман. Бесспорно; но только я не могу себе представить, чтобы тут понадобились какие-нибудь особые меры. Мне кажется, самое дело столь просто и ясно...

Аслаксен. Ну-у, все-таки, пожалуй, не лишнее; я ведь хорошо знаю наших местных заправил. Власть имущие не больно-то охотно сдаются на предложения, которые идут не от них самих. Вот я и думаю, что не мешало бы нам устроить маленькую демонстрацию.

Ховстад. Вот-вот, именно.

Доктор Стокман. Демонстрацию, вы говорите? Да какую же, собственно?

Аслаксен. Разумеется, весьма умеренную, господин доктор; я всегда за умеренность, потому что умеренность – первая добродетель гражданина... насколько я, то есть, понимаю.

Доктор Стокман. Вы и славьтесь этим, господин Аслаксен.

Аслаксен. Да, мне думается, я смею это сказать. А это дело с водопроводом – очень уж оно важно для нас, мелких обывателей. Водолечебница обещает ведь стать золотым дном для города. Заведением этим нам всем предстоит кормиться, особенно же нам, домохозяевам. Оттого-то мы и готовы поддержать его, чем только можем. А так как я старшина союза домохозяев...

Доктор Стокман. Да?..

Аслаксен. И кроме того агент «Общества друзей трезвости»... Да, доктору, верно, известно, что я стою за трезвость?

Доктор Стокман. Само собой.

Аслаксен. Так вот понятно, что мне приходится встречаться со многими людьми. И так как меня знают за благомыслящего и соблюдающего законность гражданина, – как сказал сам доктор, – то я кое-что и значу у нас в городе... пользуюсь некоторым влиянием... если позволено будет так выразиться.

Доктор Стокман. Я это очень хорошо знаю, господин Аслаксен.

Аслаксен. Так вот для меня нехитрое дело оборудовать хотя бы, к примеру, адрес, коли на это пойдет.

Доктор Стокман. Адрес, вы говорите?

Аслаксен. Да, в некотором роде благодарственный адрес от городских обывателей за то, что вы подняли этот важный для общества вопрос. Само собой, адрес должен быть составлен с подобающей умеренностью... чтобы не задеть местные власти... и вообще власть имущих, так сказать. А только соблюсти это – и уж никто к нам придирается не может, не так ли?

Ховстад. Ну, если бы им и не совсем по вкусу пришлось...

Аслаксен. Нет, нет, нет, нельзя задевать начальство, господин Ховстад. Никакой оппозиции против лиц, от которых мы так зависим. Я уже проучен по этой части; ничего путного из этого никогда не выходит. Но благоразумные, чистосердечные заявления граждан не могут быть воспрещены никому.

Доктор Стокман (*жмет ему руку*). Не могу высказать вам, любезнейший господин Аслаксен, как сердечно я рад встретить такое сочувствие среди своих сограждан. Я так рад... так рад!.. А что вы скажете насчет рюмочки хереса? А?

Аслаксен. Нет, премного благодарствую. Я не употребляю крепких напитков.

Доктор Стокман. Ну, а что вы скажете насчет стакана пива?

Аслаксен. Благодарствуйте, и от этого откажусь, господин доктор, – я ничего не употребляю в такую раннюю пору. А теперь пойду поговорить

кое с кем из домохозяев и подготовить настроение.

Доктор Стокман. Это чрезвычайно любезно с вашей стороны, господин Аслаксен, но я все-таки не могу взять в толк надобности всех этих приготовлений. Мне сдается, дело пойдет своим чередом, само собой.

Аслаксен. Наши власти туги на подъем, господин доктор. Сохрани бог, чтобы я это в укор кому говорил, но...

Ховстад. Завтра мы расшевелим их в газете, Аслаксен.

Аслаксен. Только без крайностей, господин Ховстад. Соблюдайте умеренность, иначе вам не сдвинуть их с места. Можете положиться на мой совет; я таки набрался опыта в школе житейской... Ну, так я прощусь с доктором. Теперь вы знаете, что мы, мелкие обыватели, во всяком случае, за вас горой. На вашей стороне сплоченное большинство, господин доктор.

Доктор Стокман. Спасибо за это, дорогой мой господин Аслаксен. *(Протягивает ему руку.)* Прощайте, прощайте.

Аслаксен. А вы не зайдете в типографию, господин Ховстад?

Ховстад. Я после приду, у меня еще есть дельце.

Аслаксен. Так, так. *(Кланяется и уходит.)*

Доктор Стокман провожает его в переднюю.

Ховстад *(когда доктор возвращается)*. Ну, что скажете теперь, господин доктор? Не пора, по-вашему, проветрить у нас немножко, встряхнуть всю эту косность, половинчатость, трусость?

Доктор Стокман. Вы намекаете на типографщика Аслаксена?

Ховстад. Да, на него. Он один из погрязших в болоте... каким бы ни был почтенным человеком вообще. И таково у нас большинство – ни шатко ни валко, и нашим и вашим. Из-за всевозможных соображений да сомнений никогда не смеют сделать решительного шага!

Доктор Стокман. Но Аслаксен, кажется, проявил такое искреннее доброжелательство.

Ховстад. Есть вещь, которую я еще больше ценю: готовность постоять за себя с полной уверенностью в себе.

Доктор Стокман. Я вполне с вами согласен.

Ховстад. Вот отчего я и хочу воспользоваться случаем – не удастся ли нам хоть теперь раззадорить наших благомыслящих граждан. Надо расшатать в городе этот культ авторитетов. Надо открыть глаза всем избирателям на эту непозволительную, огромную ошибку с водопроводом.

Доктор Стокман. Хорошо. Раз вы полагаете, что это нужно для общего блага, то пусть так и будет! Но не раньше, чем я поговорю с братом.

Ховстад. Я на всякий случай тем временем набросаю статейку от имени редакции. И если затем Фогт не пожелает двинуть дело...

Доктор Стокман. Но как вы можете предполагать?..

Ховстад. Довольно правдоподобное предположение. Так, значит, **тогда...**

Доктор Стокман. Тогда я обещаю вам... Слушайте, тогда вы можете напечатать мой доклад... весь целиком.

Ховстад. Вы позволите? Даете слово?

Доктор Стокман (*подавая ему рукопись*). Вот он. Берите его. Не беда ведь, если вы его прочтете. А потом вернете мне его обратно.

Ховстад. Хорошо, хорошо, не беспокойтесь. И до свидания, господин доктор.

Доктор Стокман. До свидания, до свидания. Вот увидите, все пойдет гладко, господин Ховстад, как по маслу.

Ховстад. Гм!.. Увидим. (*Кланяется и уходит через переднюю.*)

Доктор Стокман (*прохаживаясь по комнате, заглядывает в столовую*). Катрине!.. А, ты уже дома, Петра?

Петра (*входит*). Только что из школы.

Фру Стокман (*входит*). Он все еще не приходил?

Доктор Стокман. Петер? Нет. Но я тут имел беседу с Ховстадом. Открытие мое совсем его захватило. Оказывается, оно имеет куда более широкое значение, чем я сначала думал. И он предоставит в мое распоряжение свою газету, если бы это понадобилось.

Фру Стокман. А ты думаешь, понадобится?

Доктор Стокман. Отнюдь нет. Но все же можно гордиться, имея на своей стороне свободомыслящую, независимую печать. И еще, представь, заходил старшина союза домохозяев.

Фру Стокман. Да? А он зачем?

Доктор Стокман. Тоже поддержать меня. Все готовы поддержать меня в случае чего, Катрине... Знаешь, кто стоит за мной?

Фру Стокман. За тобой? Нет. Кто же это стоит за тобой?

Доктор Стокман. Сплоченное большинство.

Фру Стокман. Вот как. А это хорошо, Томас?

Доктор Стокман. Я полагаю. (*Потирает руки и ходит по комнате.*) Да, боже ты мой, отрадно оказаться братски солидарным со своими согражданами!

Петра. И быть в состоянии сделать столько хорошего, полезного, отец!

Доктор Стокман. И вдобавок – для своего родного города!

Фру Стокман. Звонок. Доктор Стокман. Это, верно, он.

Стук в дверь.

Войдите.

Фогт (входит из передней). Здравствуйте!

Доктор Стокман. Добро пожаловать, Петер!

Фру Стокман. Здравствуйте, зять! Как поживаете?

Фогт. Спасибо. Ничего себе. *(Доктору.)* Мне вручили вчера в неприсутственное время твой доклад по поводу водоснабжения нашего курорта.

Доктор Стокман. Да. Ты его прочел?

Фогт. Прочел.

Доктор Стокман. И что ты скажешь на это?

Фогт *(бросая взгляд в сторону)*. Гм...

Фру Стокман. Пойдем, Петра. *(Уходит с Петрой в комнату налево.)*

Фогт *(после некоторой паузы)*. Разве необходимо было вести все эти расследования у меня за спиной?

Доктор Стокман. Да, пока у меня не было полной уверенности...

Фогт. А теперь, по-твоему, она у тебя есть?

Доктор Стокман. Верно, ты и сам успел убедиться в этом.

Фогт. И ты намерен представить этот акт дирекции курорта как официальный документ?

Доктор Стокман. Ну да. Надо же что-нибудь предпринять. И дело не терпит.

Фогт. Ты в своем докладе, по обыкновению, прибегаешь к резким выражениям. Говоришь, например, что мы хронически отравляем приезжих.

Доктор Стокман. Да как же сказать иначе, Петер? Ты подумай только – зараженную воду и внутрь и снаружи! И все это бедным хворым людям, которые прибегают к нам в надежде на излечение и платят нам за это втридорога.

Фогт. И в своем изложении дела ты приходишь к тому выводу, что мы должны устроить канализацию для удаления указанных нечистот из Мельничной долины, а также переложить заново всю водопроводную сеть.

Доктор Стокман. А ты знаешь иной выход? Я другого не знаю.

Фогт. Я заходил утром к городскому инженеру. И – скорее в виде шутки – сообщил ему эти предположения как нечто такое, что может быть внесено на наше рассмотрение... когда-нибудь, со временем.

Доктор Стокман. Когда-нибудь, со временем?

Фогт. Он, разумеется, только улыбнулся моей предполагаемой экстравагантности. Ты дал ли себе труд подумать, во что обойдутся предлагаемые тобой мероприятия? Согласно собранным сведениям, расходы, вероятно, достигли бы нескольких сот тысяч крон.

Доктор Стокман. Неужто так дорого?

Фогт. Да. Но не это еще хуже всего. А вот что: работы потребовали бы не меньше двух лет.

Доктор Стокман. Двух лет, говоришь? Целых двух лет?

Фогт. По меньшей мере. А тем временем что нам делать с водолечебницей? Закрыть, что ли? И пришлось бы. Или, ты думаешь, кто-нибудь заглянет к нам, раз пройдет слух, будто бы вода вредна для здоровья?

Доктор Стокман. Да ведь так и есть – она вредна, Петер.

Фогт. И все это как раз теперь, когда курорт начинает расцветать. Соседние города тоже имеют некоторые данные превратиться в курорты. Ты думаешь, они не приложат немедленно всех стараний, чтобы отвлечь весь поток гостей к себе? Без всякого сомнения. А мы сядем на мель. Весьма вероятно, что пришлось бы совсем упразднить это дорогое сооружение. И вот ты разорил бы свой родной город.

Доктор Стокман. Я... разорил?..

Фогт. Если городу предстоит сколько-нибудь сносное будущее, то исключительно благодаря водолечебнице. И ты, конечно, понимаешь это не хуже меня.

Доктор Стокман. И что же, по-твоему, делать?

Фогт. Я из твоего доклада отнюдь не вынес убеждения, чтобы условия водоснабжения курорта были столь неблагоприятны, как ты их рисуешь.

Доктор Стокман. Да они скорее еще хуже! Или, во всяком случае, ухудшатся к лету, когда наступит теплая погода.

Фогт. Как сказано, я полагаю, что ты значительно преувеличиваешь. Сведущий врач обязан принять соответствующие меры... уметь предупредить вредоносное влияние или парализовать его, если оно станет вполне очевидным.

Доктор Стокман. А затем?.. Что дальше?..

Фогт. Сооруженная водопроводная сеть – существующий факт, и с ним, само собой, надлежит считаться. Но, вероятно, дирекция в свое время не откажется обсудить, какие тут при посильных материальных жертвах возможны исправления и улучшения.

Доктор Стокман. И ты думаешь, я пойду на такую низость?

Фогт. Низость?

Доктор Стокман. Ну да, это была бы низость... обман, ложь, прямое преступление против публики, против всего общества!

Фогт. Я, как уже отмечено, не мог вынести убеждения, что положение вещей действительно грозит такой уж непосредственной опасностью.

Доктор Стокман. Нет, ты вынес! Иначе и быть не может. Мой доклад так убийственно ясен и убедителен! Я это знаю! И ты отлично знаешь это, Петер, да только сознаться не хочешь. Ведь это ты тогда настоял на своем, чтобы и здание водолечебницы и водопровод были сооружены там, где они теперь находятся. И вот *это-то*... этот твой треклятый промах и не дает тебе сознаться. Или, думаешь, я тебя не раскусил?

Фогт. А если б даже и так? Если я, быть может, несколько щепетилен относительно своей репутации, так это в интересах города. Не опираясь на нравственный авторитет, я не могу управлять делами так, как того требуют соображения, имеющие в виду общее благо. Потому – и по различным иным причинам – для меня важно, чтобы доклад твой не был представлен дирекции курорта. Его нужно задержать ради общего блага. Впоследствии я сам представлю дело на обсуждение, и мы сделаем все возможное без шума. Но чтобы ничего... ни единого слова об этой злополучной истории не было доведено до сведения публики.

Доктор Стокман. Ну, этому-то теперь уж не помешать, мой любезный Петер.

Фогт. Нужно и должно помешать.

Доктор Стокман. Не удастся, говорю я. Слишком многие уже знают.

Фогт. Знают! Кто? Уж не эти ли господа из «Народного вестника»?

Доктор Стокман. Ну да, и они. Свободомыслящая, независимая пресса постарается заставить вас исполнить свой долг.

Фогт (*после небольшой паузы*). Ты чрезвычайно опрометчив, Томас. Ты не подумал, какие последствия это может иметь для тебя лично?

Доктор Стокман. Последствия? Последствия для меня?

Фогт. Для тебя и для твоей семьи, да.

Доктор Стокман. Какого черта ты хочешь сказать?

Фогт. Я полагаю, что я всегда и во всем поступал, как полагается доброжелательному, готовому помогать тебе брату.

Доктор Стокман. Да, это так, и спасибо тебе за это.

Фогт. Не об этом речь. Меня отчасти вынуждали... собственные интересы. Я всегда питал надежду, что мне удастся некоторым образом обуздать тебя, если я буду содействовать улучшению твоего экономического положения.

Доктор Стокман. Что такое? Так ты только из личных интересов?

Фогт. Отчасти, говорю я. Для официальных лиц крайне неудобно иметь близкого родственника, который то и дело компрометирует себя.

Доктор Стокман. И, по-твоему, я это делаю?..

Фогт. К сожалению, делаешь, сам того не ведая. У тебя беспокойный, задорный, мятежный нрав. И еще эта злосчастная страсть опубликовывать свои мнения по всякому удобному и неудобному поводу. Чуть мелькнет у тебя в голове что-нибудь такое – и пошел писать!.. Готова статья в газету или целая брошюра.

Доктор Стокман. Да разве не долг гражданина, если у него явится новая мысль, поделиться ею с публикой?

Фогт. Ну, публике вовсе не нужны новые мысли; публике полезнее добрые старые, общепризнанные мысли, которые она уже усвоила себе.

Доктор Стокман. Ты так и говоришь это напрямик?

Фогт. Да надо же мне когда-нибудь высказать тебе все напрямик. До сих пор я все уклонялся от этого, зная твою раздражительность, но пора сказать тебе правду, Томас. Ты представить себе не можешь, как ты вредишь себе своей опрометчивостью. Ты жалуешься на власти, даже на самое правительство... фрондируешь... уверяешь, что тебя всегда затирали, преследовали. Но чего же другого и ждать... такому тяжелому человеку, как ты!

Доктор Стокман. Еще что? Я и тяжел вдобавок?

Фогт. Да, Томас, ты очень тяжелый человек и с тобой трудно иметь дело. Я это по себе знаю. Ты пренебрегаешь всякими соображениями, ты как будто совсем и забыл, что обязан мне своим местом курортного врача...

Доктор Стокман. Место это принадлежит мне по праву. Мне – и никому другому! Я первый сообразил, что городок наш может стать цветущим курортом, и никто, кроме меня, тогда не понимал этого. Я один отстаивал эту мысль долгие годы! Я писал, писал...

Фогт. Бесспорно. Но тогда время еще не пришло. Ну да где тебе было судить об этом в своем медвежьем углу! Но как только благоприятная минута настала, я, вместе с другими, взял дело в свои руки и...

Доктор Стокман. Да, и вы исковеркали весь мой чудный план. Теперь оно и видно, какие умные головушки взялись за дело!

Фогт. С моей точки зрения видно только, что ты опять ищешь, как бы дать выход своим воинственным настроениям. Тебе хочется добраться до стоящих выше тебя, – это твоя старая повадка. Ты не терпишь над собой ничьего авторитета, косо поглядываешь на всякого, кто занимает высокое официальное положение, видишь в нем как бы личного врага... и сейчас же нападаешь на него, не разбирая средств. Но теперь я обратил твое

внимание, что тут поставлены на карту интересы всего города... и, следовательно, мои также. Поэтому я говорю тебе, Томас, что буду неумолим в своем требовании, которое намерен тебе предъявить.

Доктор Стокман. Какое требование?

Фогт. Так как ты не сумел придержать язык и уже завел об этом щекотливом деле разговор с непосвященными, хотя тебе надлежало бы отнестись к этому делу как к административной тайне, то, разумеется, теперь нельзя его замолчать. Откроется широкое поле для всевозможных слухов, и злонамеренные люди не преминут всячески их раздуть. Поэтому необходимо, чтобы ты предупредил появление подобных слухов публичным заявлением.

Доктор Стокман. Я? Как? Я тебя не понимаю.

Фогт. Имеются основания ожидать, что ты при новом исследовании придешь к тому результату, что положение далеко не столь опасно или серьезно, как ты полагал первоначально.

Доктор Стокман. Ах, так вот чего ты ожидаешь!

Фогт. Далее ожидается, что ты питаешь и публично выразишь доверие к правлению и к той основательности и добросовестности, с которой оно предпримет необходимые меры для устранения возможных недочетов.

Доктор Стокман. Да никогда вам не удастся поправить дело, если вы собираетесь только пачкотней заниматься да заплатки ставить! Говорю тебе, Петер, это мое искреннейшее, глубочайшее убеждение...

Фогт. В качестве служащего тебе не полагается иметь особых мнений и убеждений.

Доктор Стокман (*пораженный*). Не полагается?..

Фогт. В качестве служащего, говорю я. В качестве частного лица – сделай одолжение, это совсем другое. Но в качестве подчиненного лица, состоящего на службе у дирекции курорта, тебе не полагается выступать с мнениями и убеждениями, не согласными с убеждениями твоего начальства.

Доктор Стокман. Это уж слишком! Мне, врачу, человеку науки, не полагается!..

Фогт. Данный случай нельзя рассматривать как чисто научный; это случай сложный, имеющий и техническую и экономическую сторону.

Доктор Стокман. А пусть его будет, чем черт хочет! Я хочу свободно высказываться о всевозможных случаях в мире!

Фогт. Сделай одолжение. Только не о делах курорта... Это мы тебе запрещаем.

Доктор Стокман (*кричит*). Вы запрещаете!.. Вы? Такие...

Фогт. Я тебе это запрещаю... я... твое высшее начальство! И раз я тебе это запрещаю, тебе остается лишь повиноваться.

Доктор Стокман (*пересиливая себя*). Петер... не будь ты мне брат...

Петра (*распахивая дверь*). Отец, этого ты не потерпишь!

Фру Стокман (*за нею*). Петра! Петра!

Фогт. А-а, изволили подслушивать.

Фру Стокман. Тут все слышно, мы не могли...

Петра. Да, я стояла и прислушивалась.

Фогт. В сущности, я даже рад...

Доктор Стокман (*подступая к нему*). Ты говорил мне о запрещении, требовал повиновения?..

Фогт. Ты вынудил меня заговорить в таком тоне.

Доктор Стокман. Чтобы я публично опроверг самого себя?

Фогт. Мы усматриваем безотлагательную надобность в публичном заявлении с твоей стороны... в том смысле, как я потребовал от тебя.

Доктор Стокман. А если я... ослушаюсь?

Фогт. Так мы сами опубликуем разъяснение для успокоения публики.

Доктор Стокман. Так. А я его опровергну! Я стою на своем и докажу, что прав я, а не вы. Что вы тогда сделаете?

Фогт. Тогда я не остановился бы и перед твоей отставкой.

Доктор Стокман. Что?!

Петра. Отставку... отцу!

Фру Стокман. Отставку?!

Фогт. Тебя бы отставили от должности штатного врача курорта. Я усмотрел бы в твоём поведении достаточный повод, чтобы войти с представлением о немедленном твоём увольнении, об устранении тебя от всякого касательства к делам курорта.

Доктор Стокман. И вы посмели бы!

Фогт. Ты сам затеял рискованную игру.

Петра. Дядя, это возмутительно так поступать с таким человеком, как отец!

Фру Стокман. Ты бы помолчала, Петра!

Фогт (*смотрит на Петру*). Ага, тоже обзавелись уже особыми мнениями? Разумеется! (*Обращается к фру Стокман.*) Невестка, вы, по видимому, рассудительнее всех здесь в доме. Пустите же в ход все свое влияние на вашего мужа, внушите ему, какие это повлечет за собой последствия для него и для его семьи...

Доктор Стокман. Моя семья касается меня одного.

Фогт. И для его семьи, говорю я, и для всего города, где он живет.

Доктор Стокман. Я-то истинно желаю добра своему городу. Хочу раскрыть недостатки, которые рано ли, поздно ли должны выйти наружу... Нет, никто не сможет усомниться, что я-то люблю свой родной город!

Фогт. Ты? Когда ты в своем слепом упорстве стремишься отнять у города важнейший источник его благосостояния!

Доктор Стокман. Источник этот отравлен, говорят тебе. Ты в своем уме? Мы тут промышляем всякой дрянью да гнилью!.. Наше расцветающее общественное благосостояние питается обманом!

Фогт. Фантазия... или еще похуже? Тот, кто изрыгает такие оскорбительные инсинуации на свой родной город, является врагом общества!

Доктор Стокман (*бросаясь к нему*). Ты смеешь!..

Фру Стокман (*кидаясь между ними*). Томас!

Петра (*схватив отца за руку*). Только не горячись, отец!

Фогт. Я не желаю подвергать себя необузданным выходкам. Теперь ты предупрежден. Пораздумай о своем долге по отношению к себе и своим. Прощай. (*Уходит.*)

Доктор Стокман (*ходит по комнате*). Сносить подобное обращение! В собственном доме, Катрине! Что ты скажешь на это?

Фру Стокман. Да, конечно, просто стыд и срам, Томас.

Петра. Знай я только, чем донять дядюшку!..

Доктор Стокман. Я сам виноват; давно бы пора мне оцетиниться на них... показать зубы... огрызнуться!.. И назвать меня врагом общества?! Меня! Этого я, честное слово, так не оставлю!

Фру Стокман. Но, милый Томас, брат твой все-таки сила...

Доктор Стокман. А на моей стороне – право!

Фру Стокман. Ну, право, право! Что толку быть правым, коли нет у тебя силы?

Петра. Ах, мама! Ну можно ли так говорить?

Доктор Стокман. Как что толку быть правым, когда мы живем в свободном обществе? Чудачка ты, Катрине. И кроме того, разве у меня в авангарде нет смелой и независимой прессы, а в арьергарде сплоченного большинства? Это довольно таки большие силы, я полагаю!

Фру Стокман. Но, помилуй, Томас, не думаешь же ты...

Доктор Стокман. Чего я не думаю?

Фру Стокман. Тягаться с братом, – если хочешь знать.

Доктор Стокман. А какого бы черта ты хотела? Чтобы я да не постоял за то, что считаю правдой и истиной!..

Петра. Да, и я то же скажу.

Фру Стокман. Ах, да ничего ты ровно не добьешься. Раз они не хотят, то ничего и не будет!

Доктор Стокман. Хо-хо, Катрине! Дай только срок, увидишь, я добьюсь своего.

Фру Стокман. Добьешься, пожалуй, отставки, это так.

Доктор Стокман. Ну, по крайней мере выполню свой долг перед публикой... перед обществом. Я, объявленный врагом общества!

Фру Стокман. А перед своей семьей, Томас? Перед нами, домашними? По-твоему, ты выполнишь этим свой долг перед теми, о ком должен заботиться?

Петра. Ах, да не думай ты вечно и прежде всего, о нас, мама!

Фру Стокман. Тебе легко говорить; ты в случае чего сама постоишь за себя... Вспомни о мальчиках, Томас, да подумай немножко и о самом себе... и обо мне...

Доктор Стокман. Право, ты совсем спятила, Катрине! Да если бы я, как жалкий трус, согнул шею перед Петером и его проклятой шайкой, была бы у меня после этого хоть одна счастливая минута в жизни?

Фру Стокман. Уж не знаю, но боже сохрани от такого счастья, какое ждет нас всех, если ты останешься без куска хлеба, без определенного дохода. Мне кажется, довольно уж мы натерпелись в былое время, вспомни об этом, Томас.

Подумай, чем это все грозит.

Доктор Стокман (*с трудом сдерживая свое волнение и сжимая кулаки*). И эти канцелярские батраки могут довести честного человека до такого положения! Разве это не ужас, Катрине?

Фру Стокман. Да, просто грешно так поступать с тобой; что правда, то правда. Но, господи боже, мало ли на свете неправды, с которой приходится мириться!.. Вот мальчишки, Томас, взгляни на них! Что с ними будет! Нет, нет, не может быть, чтобы у тебяхватило духу...

Входят Эйлиф и Мортен с учебниками и тетрадками.

Доктор Стокман. Мальчишки!.. (*Вдруг овладев собой, твердо и решительно.*) Хоть бы весь мир провалился, я не склоню шеи под ярмо. (*Направляется в свою комнату.*)

Фру Стокман (*следуя за ним*). Томас... чего же ты хочешь?..

Доктор Стокман (*в дверях*). Я хочу иметь право смело глядеть в глаза моим мальчикам, когда они вырастут свободными людьми. (*Уходит к себе.*)

Фру Стокман (*заливаясь слезами*). Господи, спаси нас, сохрани и

помилуй!

Петра. Молодчина отец! Он не сдастся.

Мальчики с недоумением смотрят на всех, Петра делает им знак молчать.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Кантора редакция «Народного вестника». Налево в глубине входная дверь.

Направо в той же задней стене вторая дверь со стеклами, через которые видна типография. В правой стене тоже дверь. Посреди комнаты большой стол, заваленный бумагами, газетами, книгами, около него несколько кресел.

Впереди, налево, окно, возле него конторка с высоким табуретом. У стола несколько кресел. По стенам стулья. Комната имеет мрачный, неприветливый вид, обстановка старая, кресла грязные и ободранные. В типографии несколько наборщиков за работой, подалее виден ручной пресс в ходу.

Редактор Ховстад сидит за конторкой и пишет. Немного спустя справа входит Биллинг, держа в руках рукопись доктора Стокмана.

Биллинг. Ну, скажу я!..

Ховстад (*продолжая писать*). Вы прочли?

Биллинг (*положив рукопись на конторку*). Н-да, прочел.

Ховстад. Что, ловко доктор бреет?

Биллинг. Бреет? Да он, убей меня бог, разит наповал! Что ни слово, то прямо, скажу я, удар топора!

Ховстад. Ну, этих господ с одного раза не свалишь.

Биллинг. Оно так. Тогда мы начнем наносить удар за ударом, пока не свалим этот оплот власть имущих. Право, когда я читал статью, мне показалось, что я вижу приближение революции...

Ховстад (*оборачиваясь*). Тсс... не услышал бы Аслаксен.

Биллинг (*понижая голос*). Аслаксен – мокрая курица, трусишка; разве это мужчина? Но на этот раз вы, надеюсь, поставите на своем? А? Ведь проведете статью доктора?

Ховстад. Если только Фогт не сдастся добром...

Биллинг. Вот была бы досада, черт побери!

Ховстад. Ну, что бы там ни вышло, мы все-таки извлечем пользу из этого дела. Не сдастся Фогт на предложение доктора – все мелкие обыватели сядут ему на шею... весь союз домохозяев и прочие. А сдастся – так разойдется с целой кучей крупных акционеров курорта, которые до сих пор были надежнейшей его опорой...

Биллинг. Да, да, им ведь придется раскошелиться; чертовски много денег понадобится!..

Ховстад. Да уж это хоть побожиться. А тогда заколдованный круг будет разорван, видите ли, и мы изо дня в день будем вдалбливать публике, что Фогт несведущ в том-то и в том-то и что все ответственные должности в городе, все управление общественными делами должно перейти в руки свободомыслящих людей.

Биллинг. Что верно, то верно, убей меня бог! Я вижу – мы накануне революции!

Стук во входную дверь в глубине налево.

Ховстад. Тсс! (Громко.) Войдите!

Входит доктор Стокман. Ховстад идет ему навстречу.

А, да это доктор! Ну?..

Доктор Стокман. Печатайте, господин Ховстад.

Ховстад. Кончилось-таки этим?

Биллинг. Ура!

Доктор Стокман. Печатайте, говорю. Конечно, этим кончилось. Сами того захотели. Теперь закипит война в городе, господин Биллинг.

Биллинг. Не на живот, а на смерть, надеюсь, господин доктор!

Доктор Стокман. Доклад мой – лишь начало. У меня в голове еще четыре-пять статей. Где тут у вас Аслаксен?

Биллинг (*кричит в типографию*). Аслаксен, зайдите-ка сюда на минуточку!

Ховстад. Еще четыре-пять статей, говорите? Все о том же?

Доктор Стокман. Н-нет, куда, милый мой! Совсем о других предметах. Но исходными пунктами остаются водопровод и клоака. Одно тянет за собой другое, понимаете? Словно, когда начинаешь ломать старое строение, точь-в-точь.

Биллинг. Вот, убей меня бог, верно. Никак не остановиться, пока не снесешь долой всю рухлядь.

Аслаксен (*входя из типографии*). Долой? Не собирается же доктор снести долой водолечебницу?

Ховстад. И не думает. Успокойтесь!

Доктор Стокман. Нет, дело идет совсем о другом!.. Ну, так что же вы скажете о моей статье, господин Ховстад?

Ховстад. По-моему, изложено мастерски.

Доктор Стокман. Не правда ли?.. Ну, очень рад, очень рад.

Ховстад. Так все просто, ясно, вразумительно, не нужно быть и специалистом, чтобы понять, в чем дело. Смею сказать, все просвещенные люди будут на вашей стороне.

Аслаксен. И рассудительные, полагаю?

Биллинг. И рассудительные и безрассудные! Я думаю, почти весь город.

Аслаксен. Ну, так, верно, можно ее напечатать.

Доктор Стокман. Полагаю!

Ховстад. Завтра же утром пускаем ее.

Доктор Стокман. Да, черт побери, нельзя терять ни единого дня.

Слушайте, господин Аслаксен, вот о чем я хотел вас попросить: вы уж займитесь рукописью сами.

Аслаксен. Займусь, займусь.

Доктор Стокман. Берегите пуще глаза. И чтобы ни единой опечатки. Там каждое слово важно. А я еще заверну, авось успею немножко проглядеть корректуру... Да, просто выразить не могу, как я жажду видеть свой доклад в печати... как он полетит в свет...

Биллинг. Вылетит, как молния!

Доктор Стокман...на суд всех здравомыслящих сограждан. О, вы представить себе не можете, чему я подвергся сегодня. Мне грозили и тем и сем, хотели лишить меня самых моих неотъемлемых, ясных, как день, человеческих прав!..

Биллинг. Что? Ваших человеческих прав?

Доктор Стокман. Хотели унижить меня, сделать из меня подлеца, требовали, чтобы я поставил личные выгоды выше самых своих кровных, священнейших убеждений...

Биллинг. Это уж чересчур, убей меня бог!

Ховстад. Ну, от этих господ можно всего ожидать.

Доктор Стокман. Да нет, не на таковского напали. Увидят черным по белому... Теперь я брошу якорь в «Народном вестнике» и каждый божий день буду осыпать их своими статьями-гранатами.

Аслаксен. Послушайте, однако...

Биллинг. Ура! Война так война!

Доктор Стокман. Я их пригну к земле, раздавлю, снесу их укрепления на глазах у всех здравомыслящих людей. Вот что я сделаю!

Аслаксен. Но, пожалуйста, соблюдайте умеренность, господин доктор, стреляйте, да в меру.

Биллинг. Нет, нет! Не скупитесь на динамит!

Доктор Стокман (*невозмутимо продолжает*). Теперь дело не только в водопроводе да клоаке, видите ли. Нет, надо очистить, дезинфицировать всю нашу общественную жизнь...

Биллинг. Вот оно, всеразрешающее слово!

Доктор Стокман. Всех этих стариков-пачкунов с их заплатками... долой, понимаете! Долой отовсюду! Сегодня передо мной открылись такие безграничные горизонты!.. Я еще не вполне ясно вижу все, но я сумею разобраться. Нам нужны молодые, свежие знаменосцы, друзья мои, новые командиры на всех передовых постах!

Биллинг. Слушайте, слушайте!

Доктор Стокман. И если только действовать дружно – все пойдет как по маслу! Оборудуем весь переворот так гладко, как корабль спускают на воду. Вы не верите?

Ховстад. Я со своей стороны верю, что у нас теперь все шансы на передачу общественного кормила в надлежащие руки.

Аслаксен. Ежели только мы будем соблюдать умеренность, то я отнюдь не думаю, чтобы это было опасно.

Доктор Стокман. На черта ли тут думать, опасно или не опасно! То, что я делаю, я делаю во имя правды и по чистой совести.

Ховстад. Вы заслуживаете всяческой поддержки, господин доктор.

Аслаксен. Да уж, спору нет, доктор – истинный друг города, подлинный друг общества.

Биллинг. Доктор Стокман, убей меня бог, – друг народа, Аслаксен!

Аслаксен. Я полагаю, союз домохозяев скоро подхватит это словечко.

Доктор Стокман (*растроганно пожимает им руки*). Спасибо, спасибо, дорогие, верные друзья мои!.. Мне так отрадно слышать это... Брат мой назвал меня совсем иначе. Ну, и верну же я ему это с лихвой, честное слово! А теперь надо пойти навестить одного беднягу... Я заверну опять, как сказал. Так, пожалуйста, хорошенько сверяйте с рукописью, господин Аслаксен. И, ради бога, не пропустите ни единого восклицательного знака. Лучше прибавьте парочку... Ну, так прощайте. До свидания! До свидания!

Взаимные приветствия, пока доктора провожают до дверей.

Ховстад (*возвращаясь*). Он может оказать нам неоценимые услуги.

Аслаксен. Да, пока только он будет ограничиваться этой историей с водолечебницей. А ежели пойдет дальше, не посоветую следовать за ним.

Ховстад. Гм... все зависит от...

Биллинг. Черт знает, все-то вы трусите, Аслаксен!

Аслаксен. Трушу?! Да, когда дело касается местных властей, я трушу, господин Биллинг. Я недаром прошел школу опыта, скажу я вам. Но пустите-ка меня в большую политику, тогда посмотрим, струшу ли я... хотя бы пред самим правительством.

Биллинг. Разумеется, вы не трусливого десятка, но вот то-то и есть, вы сами себе противоречите.

Аслаксен. Я человек с совестью, вот в чем дело. Ежели нападаешь на правительство, обществу от этого никакого вреда, да и тем господам ничего не сделается, видите ли, – они сидят крепко. А местные власти свалить можно, и тогда, пожалуй, у кормила станут неопытные, несведущие люди – к непоправимому вреду для домохозяев и прочих обывателей.

Ховстад. А воспитание граждан путем участия в самоуправлении, об этом вы не думаете?

Аслаксен. Коли у человека есть свое дело в руках, так где же ему думать обо всем зараз, господин Ховстад.

Ховстад. Так пусть у меня никогда не будет никакого своего дела!

Биллинг. Слушайте!.. Слушайте!

Аслаксен (с улыбкой). Гм... (Указывает на конторку.) На этом редакторском табурете сидел до вас амтман Стенсгор.

Биллинг (плюется). Тьфу! Перебежчик!

Ховстад. Я не флюгер и никогда им не буду.

Аслаксен. Политический деятель ни за что ручаться не может, господин Ховстад. А вам, господин Биллинг, тоже, кажется, не мешало бы поубавить парусов, – вы ведь добиваетесь места секретаря магистрата.

Биллинг. Я?..

Ховстад. Вы, Биллинг?

Биллинг. Ну, то есть... Вы же, черт возьми, понимаете, что я только хотел позлить этих премудрых отцов города.

Аслаксен. Да меня-то, конечно, все это не касается. Но раз меня укоряют в трусости и в противоречиях, так я вот что желаю поставить на вид: политическое прошлое типографщика Аслаксена открыто всем и каждому. Со мной никаких других перемен не приключалось, кроме той, что я стал еще умереннее, видите ли. Сердце мое по-прежнему принадлежит народу, но я не стану скрывать, что разум мой склоняется на сторону властей... то есть местных... да. (Уходит в типографию.)

Биллинг. Нельзя ли нам как-нибудь сплавить его, Ховстад?

Ховстад. А вы знаете кого-нибудь другого, кто возьмет на себя все предварительные расходы на бумагу и печать?

Биллинг. Чертовски скверно, что у нас нет оборотного капитала.

Ховстад (*садясь за конторку*). Да, будь у нас...

Биллинг. А если бы мы обратились к доктору Стокману?

Ховстад (*перелистывая бумаги*). А что толку? У него ровно ничего нет.

Биллинг. Так, но у него хорошая заручка – старик Мортен Хиль, «барсук», как его прозвали.

Ховстад (*пишет*). Вы наверное знаете, что у Хиля есть кое-что?

Биллинг. Убей меня бог, коли нету! И кое-что из этого, верно, перепадет семье Стокман. Не забудет же он обеспечить... хотя бы детей.

Ховстад (*вполоборота к нему*). Вы на этом и строите свои расчеты?

Биллинг. Строю? Разумеется, я ни на чем ничего не строю.

Ховстад. И хорошо делаете. И на это секретарство в магистрате вам бы тоже не следовало рассчитывать. Могу вас заверить, вы его не получите.

Биллинг. А вы думаете, я этого не знаю? Но то-то и хорошо, что я его не получу. Такой отказ может только разжечь охоту бороться, подлить масла в огонь, а это весьма кстати в нашем захолустье, где редко что заденет тебя за живое!

Ховстад (*продолжая писать*). Так, так.

Биллинг. Ну... они скоро обо мне услышат!.. Пойду теперь составлять воззвание к домохозяевам. (*Уходит в комнату направо.*)

Ховстад (*сидя за конторкой, грызет ручку и медленно произносит*). Гм... да-а, так.

Стук во входную дверь.

Войдите.

Входит Петра.

(*Встает.*) Ах, это вы?.. Зашли к нам!

Петра. Да, извините...

Ховстад (*подвигая ей кресло*). Не присядите ли?

Петра. Нет, благодарю, я сейчас уйду.

Ховстад. Вы с поручением от вашего отца?

Петра. Нет, я по своему делу. (*Вынимает из кармана пальто книгу.*)

Вот тот английский рассказ.

Ховстад. Зачем же вы его отдаете назад?

Петра. Я не буду его переводить.

Ховстад. Да вы же так определенно обещали!..

Петра. Я тогда еще не прочла его. Да и вы сами, верно, тоже?

Ховстад. Нет, вам известно, я не знаю английского языка, но...

Петра. Хорошо, так вот я и скажу вам: поищите что-нибудь другое.
(Кладет книгу на стол.) Это совсем не для «Народного вестника».

Ховстад. Почему же?

Петра. Потому что идет совершенно вразрез с вашими взглядами.

Ховстад. Ну, из-за этого-то одного...

Петра. Вы меня, кажется, не совсем поняли. Тут речь идет о том, как сверхъестественные силы покровительствуют так называемым «добрым» людям и все устраивают для них в конце концов к лучшему, а так называемые «злые» несут кару.

Ховстад. Да это же как раз отлично, как раз во вкусе большой публики.

Петра. И вы будете пичкать ее подобными произведениями? Сами вы ничему такому не верите. И отлично знаете, что в действительности так не бывает.

Ховстад. Вы совершенно правы. Но редактор не всегда волен поступать, как ему желательно. Часто приходится считаться со вкусами и мнениями публики... в менее важных вещах. Главное дело ведь политика... для газеты, о крайней мере; и если я хочу вести публику к свободе и прогрессу, мне нельзя запугивать ее. Увидав такой нравоучительный рассказ в «подвальном этаже» газеты, она охотнее поддастся тому, что печатается у нас в верхних. Доверие читателей к нам таким способом укрепляется.

Петра. Фу! Не может быть, чтобы вы расставляли своим читателям такие тенета: не паук же вы!

Ховстад (улыбаясь). Спасибо за хорошее мнение обо мне. Оно и правда, это, собственно, не мое рассуждение, а Биллинга.

Петра. Биллинга?

Ховстад. По крайней мере он так выразился на днях. Биллингу и не терпится поместить этот рассказ, а я его не знаю.

Петра. Да как же Биллинг... со своими независимыми взглядами...

Ховстад. О, Биллинг такой разносторонний человек. Теперь он, говорят, добивается места секретаря магистрата...

Петра. Не верю, Ховстад! Как мог он пойти на это?

Ховстад. А уж это вы его самого спросите.

Петра. Вот чего никогда бы не подумала про Биллинга!

Ховстад (пристально глядя на нее). Да? Разве это для вас такая неожиданность?

Петра. Да. Или, пожалуй, все-таки... нет. Ах, в сущности, не знаю...

Ховстад. Мы, газетные строчилы, народ неважный, фрекен Петра.

Петра. Вы это серьезно говорите?

Ховстад. Иногда мне так думается.

Петра. Ну да, в мелочах будничной жизни, это я еще понимаю. Но теперь, когда вы приняли участие в таком серьезном деле...

Ховстад. Это вы насчет дела вашего отца?

Петра. Ну да. Теперь, мне кажется, вы должны чувствовать себя человеком головой выше большинства.

Ховстад. Да, сегодня я что-то такое чувствую.

Петра. Не правда ли? Ах, вы избрали себе завидную долю. Пробивать путь не признанным еще истинам, новым, смелым взглядам... Да уж одно то, что вы безбоязненно заступаетесь за гонимого...

Ховстад. Особенно, если этот гонимый... гм... не знаю, как бы это выразиться...

Петра. Если он человек столь порядочный и глубоко честный... да?

Ховстад (*понижая голос*). Особенно, если он... ваш отец, хотел я сказать.

Петра (*пораженная*). Вот что!

Ховстад. Да, Петра... фрекен Петра.

Петра. Так вот что у вас на первом плане? Не самое дело? Не истина? Не великое сердце моего отца?

Ховстад. Да, да, само собой, и это тоже...

Петра. Нет, благодарю. Вы уже проговорились, Ховстад. И я вам больше ни в чем не верю.

Ховстад. И вы можете так сердиться на меня за то, что я главным образом ради вас...

Петра. Я сержусь на вас за то, что вы не были искренни с отцом. Судя по вашим разговорам, вам всего дороже была истина, благо общества. Вы провели и отца и меня. Не тот вы человек, за кого себя выдавали. И этого я вам никогда не прощу... никогда!

Ховстад. Вам бы не следовало говорить со мной таким тоном, фрекен Петра. Меньше всего теперь!

Петра. Отчего бы и не теперь?

Ховстад. Оттого, что ваш отец не может обойтись без моей помощи.

Петра (*смерив его взглядом*). Так вот вы какой вдобавок? Фуй!

Ховстад. Нет, нет, я не такой! Это у меня так сорвалось с языка! Вы не думайте!

Петра. Я знаю, что мне теперь думать. Прощайте!

Аслаксен (*из дверей типографии, торопливо, таинственно*). Разрази

меня бог, господин Ховстад... (*Увидев Петру.*) Ай-ай, вот оказия!..

Петра. Книгу я вон там положила. Поищите другую переводчицу. (*Идет к выходной двери.*)

Ховстад (*за нею*). Фрекен...

Петра. Прощайте. (*Уходит.*)

Аслаксен. Господин Ховстад! Послушайте!

Ховстад. Ну! Что там?

Аслаксен. Сам Фогт пришел в типографию.

Ховстад. Фогт?

Аслаксен. Да. Хочет поговорить с вами. С черного хода пришел. Не хотел, чтобы его видели, понимаете?

Ховстад. Что бы это значило? Нет, постойте, я сам... (*Идет к двери в типографию, отворяет дверь, кланяется и приглашает Фогта войти.*) Посматривайте, Аслаксен, чтобы никто...

Аслаксен. Понимаю... (*Уходит в типографию.*)

Фогт. Господин Ховстад, верно, не ожидал увидеть меня здесь?

Ховстад. Собственно говоря, нет.

Фогт (*озираясь*). Да вы здесь преугодно устроились, премило.

Ховстад. О-о!..

Фогт. И вот я так бесцеремонно вторгаюсь к вам и отнимаю у вас время.

Ховстад. Сделайте одолжение, господин Фогт. Я к вашим услугам. Но позвольте освободить вас... (*Берет из рук Фогта фуражку и палку и кладет их на стул.*) И не угодно ли присесть?

Фогт (*садясь у стола*). Благодарю.

Ховстад тоже садится к столу.

Со мной сегодня случилась... крайне неприятная история, господин Ховстад.

Ховстад. Да? Ну понятно, у господина Фогта столько дел...

Фогт. Сегодняшняя неприятность исходит от штатного курортного врача.

Ховстад. Вот как? От доктора?

Фогт. Он сочинил нечто вроде доклада правлению курорта касательно якобы целого ряда недостатков водолечебницы.

Ховстад. В самом деле?

Фогт. Он разве не говорил вам?.. Мне кажется, он рассказывал...

Ховстад. То есть, действительно, он что-то такое упоминал вскользь...

Аслаксен (*входит из типографии*). Кажется, вы хотели дать мне рукопись...

Ховстад (*с досадой*). Гм... Она лежит на конторке.

Аслаксен (*находит*). Хорошо.

Фогт. Пойдите... да это то самое...

Аслаксен. Да, это статья доктора, господин Фогт.

Ховстад. Ах, так вы о ней говорили?

Фогт. Именно о ней. Вы как ее находите?

Ховстад. Я ведь не специалист, да и пробежал ее лишь мельком.

Фогт. Однако печатаете.

Ховстад. Мне неудобно отказать, раз человек выступает за своей подписью.

Аслаксен. Я в газете не имею голоса, господин Фогт.

Фогт. Само собой.

Аслаксен. Мое дело печатать, что дадут.

Фогт. Вполне в порядке вещей.

Аслаксен. Так вот и я... (*Направляется в типографию.*)

Фогт. Погодите минутку, господин Аслаксен... С вашего позволения, господин Ховстад?..

Ховстад. Сделайте одолжение, господин Фогт.

Фогт. Вы человек благомыслящий, рассудительный, господин Аслаксен.

Аслаксен. Весьма рад, если Фогт такого мнения.

Фогт. И человек, пользующийся влиянием в широких кругах.

Аслаксен. Больше среди мелких обывателей.

Фогт. Мелкие плательщики налогов составляют большинство и у нас, как всюду.

Аслаксен. Что и говорить.

Фогт. И я не сомневаюсь, что вы осведомлены относительно настроения большинства из них. Не так ли?

Аслаксен. Да, смею сказать, это так, господин Фогт.

Фогт. Да-а, и раз среди менее самостоятельных граждан царит столь похвальная готовность нести жертвы, то...

Аслаксен. Как то есть?

Ховстад. Готовность нести жертвы?

Фогт. Это отрадное знамение духа общественности, чрезвычайно отрадное. Готов сказать, что не ожидал этого. Но вам ведь настроения известны лучше, нежели мне.

Аслаксен. Но, господин Фогт...

Фогт. Городу предстоят поистине немалые жертвы.

Ховстад. Городу?

Аслаксен. Что-то невдомек... Дело ведь касается водолечебницы?..

Фогт. Те переделки, которые курортный врач признает желательными, обойдутся, по предварительным подсчетам, в несколько сот тысяч крон.

Аслаксен. Большущие деньги, но...

Фогт. Разумеется, городу придется сделать коммунальный заем.

Ховстад (вставая). С какой же стати городу?..

Аслаксен. Так это будет из городских сумм? Из тощих карманов мелких обывателей?

Фогт. Да, почтеннейший господин Аслаксен, откуда же иначе взять средства?

Аслаксен. А это уж дело господ собственников водолечебницы.

Фогт. Собственники водолечебницы вынуждены по одежке протягивать ножки.

Аслаксен. Верно ли это, господин Фогт?

Фогт. Я убедился в этом. Следовательно, если эти обширные переделки желательны, оплатить их придется городу.

Аслаксен. Ах, чтобы черт... Извините!.. Это выходит совсем иное дело, господин Ховстад!

Ховстад. Да, действительно.

Фогт. Прискорбнее всего то, что нам вдобавок придется закрыть водолечебницу года на два.

Ховстад. Закрывать? Совсем?

Аслаксен. На два года!

Фогт. Да, работы потребуют не менее двух лет.

Аслаксен. Разрази меня бог!.. Да это нам не под силу, господин Фогт! Чем же нам, домохозяевам, жить тем временем?

Фогт. На это, к сожалению, чрезвычайно затруднительно ответить, господин Аслаксен. Но чего же вы хотите от нас? Неужели вы думаете, хоть один человек поедет сюда, если людям начнут вбивать в головы такие фантазии, что вода заражена, что мы живем на заражном болоте, что весь город...

Аслаксен. И все это целиком – одна фантазия?

Фогт. Я при всем желании не мог прийти к иному заключению.

Аслаксен. Так ведь тогда со стороны доктора прямо непростительно... Извините, господин Фогт, но...

Фогт. Ваши слова – прискорбная истина, господин Аслаксен. Брат мой, к сожалению, всегда был крайне опрометчив.

Аслаксен. А вы еще собираетесь поддерживать его, господин Ховстад!
Ховстад. Да кто бы подумал, что...

Фогт. Я составил краткое резюме, как надо смотреть на дело... с точки зрения здравого смысла... с присовокуплением соображений относительно устранения возможных недостатков путем, не обременительным для кассы курорта.

Ховстад. Статья у вас с собой, господин Фогт?

Фогт (*шаря в кармане*). Да, я захватил ее на тот случай, если бы вы...

Аслаксен (*быстро*). Ах, чтоб ему! Пришел!

Фогт. Кто? Мой брат?

Ховстад. Где... где?

Аслаксен. Да идет через типографию.

Фогт. Как это неудачно! Мне бы крайне нежелательно было столкнуться с ним здесь. Да и нужно бы еще кое о чем поговорить с вами.

Ховстад (*указывая на дверь направо*). Пройдите пока туда.

Фогт. Но...

Ховстад. Там один Биллинг.

Аслаксен. Скорее, скорее, господин Фогт. Он сейчас войдет.

Фогт. Хорошо, хорошо, только постарайтесь поскорее отделаться от него. (*Уходит направо.*)

Аслаксен отворяет перед ним и затворяет после него дверь.

Ховстад. Займитесь чем-нибудь, Аслаксен. (*Садится и начинает писать.*)

Аслаксен роется в кипе газет на стуле направо.

Доктор Стокман (*входит из типографии*). Ну, вот и я опять. (*Кладет шляпу и палку.*)

Ховстад (*пишет*). Уже, господин доктор? Поторопитесь, Аслаксен, насчет того, о чем мы говорили. Едва-едва управимся сегодня.

Доктор Стокман (*Аслаксену*). Еще нет корректуры, мне сказали.

Аслаксен (*не оборачиваясь*). Да статочное ли это дело, господин доктор!..

Доктор Стокман. Ну-ну, мне ведь не терпится, вы понимаете. Не успокоюсь, пока не увижу своего доклада в печати.

Ховстад. Гм... Пожалуй, не скоро еще... Правда, Аслаксен?

Аслаксен. Боюсь, что так.

Доктор Стокман. Хорошо, хорошо, друзья мои. Так я зайду опять. Хоть два раза, если понадобится. Такое важное дело... все благоденствие города...

Тут, честное слово, некогда прохладиться! (*Хочет уйти, но вдруг останавливается.*) Ах, постойте... надо сказать вам еще одну вещь.

Ховстад. Извините, нельзя ли в другой раз?

Доктор Стокман. Всего два слова. Вот что, видите ли... завтра утром мою статью прочтут и узнают, что я таким образом всю зиму трудился втихомолку на благо города...

Ховстад. Но, господин доктор...

Доктор Стокман. Знаю, что вы скажете. По-вашему, я только исполнил свой прямой долг гражданина, не больше. Само собой, я и сам это знаю не хуже вас. Но сограждане мои, видите ли... бог с ними!.. Эти добрые люди так меня любят... ценят...

Аслаксен. Да, до сих пор они вас крепко ценили, господин доктор.

Доктор Стокман. Вот потому-то я и боюсь, чтобы... Насчет этого я и хотел поговорить с вами. Когда это дойдет до них, особенно до неимущих классов, как призыв взять на будущее время городские дела в свои руки...

Ховстад (*встает*). Гм... господин доктор, я не скрою от вас...

Доктор Стокман. Ага, я так и думал. Что-нибудь да затевается. Но я знать ничего такого не хочу. Если тут что-нибудь такое готовится...

Ховстад. Да что же?..

Доктор Стокман. То или иное – ну, там процессия с флагами, торжественный обед, подписка на подарок или что бы там ни было! Вы дадите мне честное слово не допускать этого? И вы тоже, господин Аслаксен! Слышите?

Ховстад. Извините, господин доктор. Лучше сразу сказать вам всю правду...

Фру Стокман в пальто и в шляпе входит слева из дверей в глубине сцены.

Фру Стокман (*увидав доктора*). Так и есть.

Ховстад (*идет ей навстречу*). Как, и вы пожаловали к нам, фру Стокман?

Доктор Стокман. Ты за каким чертом сюда, Катрине?

Фру Стокман. Сам можешь догадаться, зачем я пришла сюда.

Ховстад. Не присядете ли? Или, быть может...

Фру Стокман. Благодарю, не беспокойтесь. И уж не будьте в претензии, что я пришла за мужем. У меня ведь трое детей, да будет вам известно.

Доктор Стокман. Что за вздор! Мы и так это знаем.

Фру Стокман. Право, не видно, чтобы ты особенно помнил о жене и детях сегодня. Иначе ты, верно, не потащил бы нас всех без оглядки в пропасть.

Доктор Стокман. Да ты совсем рехнулась, Катрине? Или человек, у которого есть жена и дети, не смеет говорить правду... не смеет быть полезным и деятельным гражданином... не смеет служить городу, в котором живет?

Фру Стокман. Все в меру, Томас.

Аслаксен. Я то же скажу. Умеренность во всем!

Фру Стокман. А вам, господин Ховстад, грешно отвлекать моего мужа от дома, от семьи и запутывать его в такие дела.

Ховстад. Я-то уж никого не запутываю...

Доктор Стокман. Запутывать? Ты думаешь, меня можно запутать?

Фру Стокман. И еще как! Знаю, ты умнейший человек в городе, но тебя до смешного легко запутать, Томас. (*Ховстаду.*) Подумайте только, он лишится места, если вы напечатаете то, что он написал...

Аслаксен. Что такое?

Ховстад. Но знаете, господин доктор...

Доктор Стокман (*смеясь*). Ха-ха! Пусть-ка попробуют! Не-ет, остерегутся.

У меня за спиной сплоченное большинство, видишь ли!

Фру Стокман. В том-то и беда, что у тебя за спиной разные глупости.

Доктор Стокман. Вздор, все вздор, Катрине. Ступай себе домой и займись своим хозяйством, а мне предоставь заниматься общественными делами. И как ты можешь так трусить, когда я спокоен и весел? (*Потирая руки, ходит взад и вперед.*) Правда и народ победят, будь спокойна. И я вижу впереди, как все свободомыслящие граждане сплотятся в победоносную армию... (*Останавливается у стула.*) Это... это, черт возьми, что такое?

Аслаксен (*смотрит туда*). Ай-ай!

Ховстад (*тоже*). Гм...

Доктор Стокман. Вот она, верхушка административной власти. (*Бережно берет кончиками пальцев фуражку Фогта и поднимает ее кверху.*)

Фру Стокман. Фуражка Фогта!

Доктор Стокман. А вот и предводительский жезл. Кой шут занес их сюда?..

Ховстад. Ну, делать нечего...

Доктор Стокман. А! Понимаю! Он пришел заговорить вам зубы. Ха-ха! Попал в точку. А когда завидел меня в типографии (*разражается смехом*), то удрал, господин Аслаксен?

Аслаксен (*поспешно*). Да, да, удрал, господин доктор.

Доктор Стокман. Бросил и палку и... Вздор! Петер не побежит. Но куда, к черту, вы его девали! А-а... там, разумеется!.. Ну, теперь увидишь, Катрине!

Фру Стокман. Томас, прошу тебя...

Аслаксен. Остерегитесь, господин доктор!

Доктор Стокман надевает фуражку Фогта и, взяв в руки его палку, идет к двери налево, распахивает ее и отдает честь, прикладываясь к козырьку.

Фогт (*входя, красный от гнева, в сопровождении Биллинга*). Это что за бесчинство?

Доктор Стокман. Попочтительнее, мой милый Петер. Теперь я представляю высшую власть в городе. (*Прохаживается.*)

Фру Стокман (*почти со слезами*). Но, Томас!..

Фогт (*идя за ним*). Отдай мне мою фуражку и палку!

Доктор Стокман (*по-прежнему*). Если ты полицеймейстер, так я Фогт – начальник всего города.

Фогт. Сними фуражку, говорю тебе. Не забудь, это официальная форменная фуражка!

Доктор Стокман. Э! Ты думаешь, пробуждающийся лев – народ побоится форменных фуражек? Да мы завтра же устроим в городе революцию, так и знай! Ты грозил уволить меня? А я вот увольняю тебя... от всех твоих официальных должностей!.. Думаешь, не могу? Эге! За меня стоят победоносные общественные силы. Ховстад и Биллинг примутся громить вас в газете, Аслаксен выступит во главе союза домохозяев...

Аслаксен. Этого я не сделаю, господин доктор.

Доктор Стокман. Разумеется, сделаете...

Фогт. Ага! Но, быть может, господин Ховстад все-таки решится примкнуть к этому походу?

Ховстад. Нет, господин Фогт.

Аслаксен. Нет, господин Ховстад не так неразумен, чтобы решиться сгубить и себя и газету из-за каких-то фантазий...

Доктор Стокман (*озираясь*). Что это значит?

Ховстад. Вы представили дело в ложном свете, господин доктор, и

потому я не могу поддержать вас.

Биллинг. Нет, после того как господин Фогт был так любезен выяснить дело и мне, то...

Доктор Стокман. В ложном свете? Предоставьте это мне. Только напечатайте мою статью, я сам сумею постоять за нее.

Ховстад. Я не напечатаю ее. Не могу, не хочу и не смею ее напечатать.

Доктор Стокман. Не смеете? Что за вздор такой? Вы же редактор, а кто же, как не редактор, руководит прессой, хотел бы я знать?

Аслаксен. Нет, не редактор, а подписчики, господин доктор.

Фогт. К счастью.

Аслаксен. Общественное мнение, просвещенная публика, домохозяйева и все прочие – вот кто руководит газетой.

Доктор Стокман (*придя в себя*). И все эти силы против меня?

Аслаксен. Да, против. Напечатать вашу статью – это значит разорить обывателей дочиста.

Доктор Стокман. Вот что...

Фогт. Мою фуражку и палку!

Доктор Стокман снимает фуражку и кладет ее вместе с палкой на стол.

(Взяв фуражку и палку.) Твоему администраторству быстро пришел конец.

Доктор Стокман. Погоди, еще не конец. (*Ховстаду.*) Так, значит, никак нельзя напечатать мою статью в «Народном вестнике»?

Ховстад. Совершенно невозможно. Между прочим, и в интересах вашей семьи.

Фру Стокман. Ну, о семье-то вам нечего беспокоиться, господин Ховстад.

Фогт (*вынимая из кармана бумагу*). Для руководства публики достаточно будет поместить вот это. Это официальное разъяснение. Извольте.

Ховстад (*берет бумагу*). Хорошо. Будет помещено.

Доктор Стокман. А мой доклад – нет. Воображают, что меня можно заставить замолчать, что можно замолчать истину! Не так-то это будет вам легко, как вы думаете. Господин Аслаксен, не угодно ли вам немедленно взять мою рукопись и напечатать ее отдельной брошюрой, на мой счет? Это будет мое собственное издание. Мне понадобится четыреста экземпляров... нет, пятьсот... шестьсот.

Аслаксен. Посули вы мне хоть золотые горы, я не смею служить своей типографией такому делу, господин доктор. Не смею, считаясь с общественным мнением. И никто в городе не возьмется вам это напечатать.

Доктор Стокман. Так верните мне рукопись.

Ховстад (*подавая рукопись*). Извольте.

Доктор Стокман (*берет шляпу и палку*). Мой доклад все-таки не останется под спудом. Я соберу сходку и прочту его; все мои сограждане услышат голос истины!

Фогт. Ни один из городских союзов не даст тебе залы для такой цели.

Аслаксен. Ни единый. Это я верно знаю.

Биллинг. Убей меня бог, коли дадут!

Фру Стокман. Нет, это уж прямо позор! Да отчего они все так вдруг против тебя... все как есть?

Доктор Стокман (*всплыв*). А вот я скажу тебе отчего. Оттого, что все тут в городе, все как есть – старые бабы... вот вроде тебя. Все только и думают о своих семьях, а не о благе общества.

Фру Стокман (*хватая его за руку*). Так я им покажу, что и старая баба может стать мужественной... хоть раз. Теперь я за тебя, Томас!

Доктор Стокман. Молодец, Катрине. И я добьюсь своего, клянусь душой! Если мне не дадут залы, я найму барабанщика ходить за мной по городу и буду читать свой доклад на всех перекрестках.

Фогт. Да не совсем же ты рехнулся!

Доктор Стокман. Вот именно!

Аслаксен. Ни один человек в городе не пойдет за вами.

Биллинг. Да убей меня бог, коли пойдет!

Фру Стокман. Не сдавайся, Томас! Я попрошу наших мальчиков пойти с тобой.

Доктор Стокман. Вот превосходная идея!

Фру Стокман. Мортен пойдет с удовольствием. Да и Эйлиф, верно, тоже.

Доктор Стокман. Да и Петра! И ты сама, Катрине!

Фру Стокман. Нет, нет. Я не пойду. Но я буду смотреть на вас из окна. Это я сделаю.

Доктор Стокман (*обнимая и целуя ее*). Спасибо. Ну, так потягаемся, господа! Погляжу я, как людская низость заткнет рот патриоту, который хочет оздоровить общество! (*Уходит с женой в дверь налево в глубине сцены.*)

Фогт (*озабоченно качая головой*). Ну, теперь он и ее сбил с толку.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Большая старинная зала в доме капитана Хорстера. В глубине открытая двустворчатая дверь, ведущая в переднюю. В левой продольной стене три окна, у противоположной стены возвышение, на нем столик с двумя свечами, графин с водой, стакан и колокольчик. Зала освещена лампами, повешенными в простенках между окнами. Впереди, налево, еще столик со свечами и стул. Впереди, направо, вторая дверь из внутренних комнат и возле нее несколько стульев.

Большая сходка городских обывателей всех сословий. В толпе виднеется также несколько женщин и школьников. Понемногу прибывает из входных дверей в глубине еще народ, так что зала наполняется.

Первый обыватель (*встречаясь со вторым*). И ты сюда попал, Ламстад?

Второй обыватель. Я-то на всех сходках бываю.

Третий обыватель (*стоящий рядом*). Надеюсь, свисток захватили!

Второй. Я-то захватил. А вы?

Третий. Еще бы. А шкипер Эвенсен хотел притащить с собой большущий рог!

Второй. Молодец Эвенсен!

Все трое смеются.

Четвертый обыватель (*подходя*). Слушайте, скажите мне, что тут такое затевается вечером?

Второй. Доктор Стокман собирается выступить против Фогта.

Четвертый. Да ведь он ему брат.

Первый. Это все едино: доктор Стокман не трусит.

Третий. Но ведь он сам неправ: в «Народном вестнике» пропечатано.

Второй. Надо полагать, на этот раз он неправ. Никто ведь и залы не хотел ему сдавать. Ни союз домохозяев, ни городской клуб.

Первый. Даже в водолечебнице залы не дали.

Второй. Ну еще бы!

Пятый обыватель (*в другой группе*). Ну, кого ж теперь нам держаться?

Шестой обыватель (*из этой же группы*). Ты знай поглядывай на Аслаксена и делай, что он.

Биллинг (*с папкой под мышкой, прокладывая себе путь в толпе*). Извините, господа! Нельзя ли пропустить... Я от «Народного вестника»... Премного благодарен! (*Садится к столу налево.*)

Рабочий. Этот из каких же будет?

Второй рабочий. Неужто его не знаешь? Этот сморчок работает на газету Аслаксена.

Капитан Хорстер вводит фру Стокман и Петру из дверей направо, за ними идут Эйлиф и Мортен.

Хорстер. Вот тут у дверей, я думаю, вам всем и разместиться. Отсюда живо можно выбраться в случае чего.

Фру Стокман. Так вы думаете, будет скандал?

Хорстер. Как знать... такая масса народу. Но вы садитесь спокойно.

Фру Стокман (*садится*). Как мило с вашей стороны, что вы предложили мужу свою залу.

Хорстер. Раз никто другой не хотел, то...

Петра (*тоже садится возле матери*). И смело, Хорстер.

Хорстер. Ну, смелости, положим, тут не очень много надо было.

Входят одновременно редактор Ховстад и владелец типографии Аслаксен, но пробираются сквозь толпу в разные стороны.

Аслаксен (*Хорстеру*). А доктора еще нет? Хоретер. Он ждет в той комнате.

У входных дверей в глубине заметно особенное движение.

Ховстад (*Биллингу*). Вот и Фогт. Смотрите.

Биллинг. Да, убей меня бог, пришел все-таки.

Фогт пробирается между собравшимися, вежливо раскланиваясь, затем становится у стены налево. Немного спустя из дверей направо входит доктор Стокман. Он в черном сюртуке и белом галстуке. Некоторые из присутствующих встречают его неуверенными аплодисментами, другие слабо шикают. Наступает тишина.

Доктор Стокман (*вполголоса*). Ну, как ты себя чувствуешь, Катрине?

Фру Стокман. Ничего, хорошо. (*Понижая голос.*) Только, пожалуйста,

не горячись, Томас.

Доктор Стокман. О, я сумею сдержаться. (*Смотрит на свои часы, поднимается на возвышение и кланяется публике.*) Уже четверть часа сверх назначенного времени... Так я начну... (*Вынимает рукопись.*)

Аслаксен. Сперва ведь надобно выбрать председателя.

Доктор Стокман. Нет, в этом нет никакой надобности.

Несколько из присутствующих господ. Да! Да!

Фогт. Я тоже полагал бы, что следует избрать председательствующего.

Доктор Стокман. Но я созвал народ на публичную лекцию, Петер!

Фогт. Лекция господина курортного врача может, пожалуй, вызвать прения.

Голоса (*из толпы*). Председателя! Председателя!

Ховстад. Требуют председателя. Такова воля граждан.

Доктор Стокман (*овладев собой*). Ну, так и быть – не будем неволить граждан.

Аслаксен. Не угодно ли господину Фогту принять на себя эту обязанность?

Трое господ (*аплодируя*). Браво! Браво!

Фогт. По некоторым, легко понятным причинам я принужден уклониться. Но, к счастью, среди нас есть человек, который, я думаю, для всех будет приемлем. Я имею в виду председателя союза домохозяев, владельца типографии господина Аслаксена.

Много голосов. Да, да! Да здравствует Аслаксен! Ура, Аслаксен!

Доктор Стокман берет рукопись и сходит с возвышения.

Аслаксен. Раз меня призывает доверие моих сограждан, я не смею отказываться...

Аплодисменты и крики «ура». Аслаксен всходит на возвышение.

Биллинг (*записывает*). Итак, господин Аслаксен избран единогласно.

Аслаксен. Раз уж я стою на этом месте, то да позволено мне будет сказать несколько кратких слов. Я тихий, мирный человек, стоящий за благоразумную умеренность... и... умеренное благоразумие. Это известно всем, кто знает меня.

Многие голоса. Да! Да! Да, Аслаксен!

Аслаксен. Из школы жизненного опыта я вынес то убеждение, что умеренность – это добродетель, наиболее приличествующая гражданину...

Фогт. Слушайте!

Аслаксен...и что благоразумие и умеренность полезнее всего и для общества. Поэтому я и рекомендовал бы уважаемому согражданину, создавшему нас сюда, постараться держаться в границах умеренности.

Человек (*у входных дверей*). За благоденствие общества умеренности!

Отдельный голос. Фу, чтоб тебе!

Многие голоса. Тсс!.. Тсс!..

Аслаксен. Прошу не прерывать, господа! Кто-нибудь требует слова?

Фогт. Господин председатель!

Аслаксен. Слово за господином Фогтом.

Фогт. В силу близкого родства, в каком, как, вероятно, всем известно, я нахожусь со штатным врачом курорта, я бы предпочел воздержаться от выражения своих мыслей. Но мое официальное положение как председателя правления курорта, а также забота о важнейших интересах города вынуждают меня выступить с предложением... Исходя из того предположения, что ни один из присутствующих здесь граждан не сочтет желательным, чтобы недостоверные и преувеличенные представления о санитарных условиях водолечебницы и города нашли себе дальнейшее распространение...

Многие голоса. Да, да, да! Этого нельзя! Мы протестуем!..

Фогт...Так на этом основании я и предлагаю, чтоб собрание не допускало господина курортного врача до чтения или изложения своих взглядов на дело.

Доктор Стокман (*вспылив*). Не допускало!.. Что такое?

Фру Стокман (*покашливая*). Кх... Кх...

Доктор Стокман (*сдерживаясь*). Так, значит, чтоб не допускало?

Фогт. Я в своей разъяснительной заметке в «Народном вестнике» ознакомил публику с главнейшими фактами, так что все благомыслящие граждане легко могут составить себе надлежащее суждение о деле. Отсюда вытекает, что предложение господина курортного врача... помимо того, что оно является выражением недоверия к местной администрации... клонится еще к обременению налогоплательщиков излишними расходами по меньшей мере в сто тысяч крон.

Ропот и отдельные свистки.

Аслаксен (*звоня в колокольчик*). Потихе, господа! Я позволю себе поддержать предложение господина Фогта. Я того же мнения, что агитация доктора не без задней мысли. Он говорит о водолечебнице, но добивается

революции, замышляет передать бразды правления в другие руки. Никто не сомневается в честности его побуждений... боже сохрани! На этот счет не может быть двух мнений. Я также сторонник народного самоуправления, если только оно не слишком дорого обходится плательщикам налогов. А это-то как раз и выходит в данном случае. И потом... нет, бог свидетель... я, с вашего позволения, не могу на этот раз сочувствовать доктору Стокману. Самим дороже обойдется. Вот мое мнение.

Оживленное одобрение со всех сторон.

Ховстад. И я чувствую себя вынужденным выяснить свою позицию. Мне казалось вначале, что агитация доктора Стокмана заслуживает известного сочувствия, и я поддерживал ее вполне беспристрастно, как мог. Но затем мы открыли, что были введены в заблуждение ложным освещением дела...

Доктор Стокман. Ложным!..

Ховстад. Ну, не вполне верным. Это ясно доказало разъяснение господина Фогта. Надеюсь, никто здесь не заподозрит моего либерального образа мыслей? Позиция, которой держится «Народный вестник» в крупных политических вопросах, известна всем и каждому. Но я узнал от опытных и здравомыслящих людей, что в чисто местных делах газете приходится соблюдать известную осторожность...

Аслаксен. Вполне согласен с оратором.

Ховстад. В настоящем деле доктор Стокман, несомненно, идет вразрез с волею общества. А что составляет первый и важнейший долг редактора газеты, господа, как не солидарность со своими читателями? И не имеет ли он, так сказать, негласных полномочий усердно и неусыпно печься о благе единомышленников? Или, быть может, я ошибаюсь насчет этого?

Многие голоса. Нет! Нет! Нет! Редактор Ховстад прав!

Ховстад. Не без тяжелой внутренней борьбы решил я порвать с человеком, в доме которого в последнее время был частым гостем, с человеком, который до сегодня мог радоваться безраздельному благорасположению своих сограждан, с человеком, единственный или, по крайней мере, главнейший недостаток которого в том, что он больше слушается сердца, чем разума.

Отдельные разрозненные голоса. Правда! Ура, доктор Стокман!

Ховстад. Но мой долг перед обществом побудил меня порвать с ним. И еще одно соображение заставляет меня противодействовать ему и стараться остановить его на том роковом пути, на который он свернул; это

соображение диктуется интересами его семьи...

Доктор Стокман. Держитесь водопровода и клоаки!

Ховстад... то есть его супруги и малолетних детей.

Мортен. Это он про нас, мама?

Фру Стокман. Тсс...

Аслаксен. Так я предлагаю голосовать предложение господина Фогта.

Доктор Стокман. Не нужно. Я сегодня не стану говорить обо всех этих безобразиях с водолечебницей. Нет, нет, вы услышите совсем о другом.

Фогт (*вполголоса*). Это еще что?

Пьяный (*у входных дверей*). Я плачу налоги. И потому имею голос. И мое полное... твердое... беспримерное мнение, что...

Несколько голосов. Молчать там!

Другие. Он пьян. Убрать его!

Пьяного выводят.

Доктор Стокман. Дадут мне слово?

Аслаксен (*звонит*). Слово принадлежит доктору Стокману.

Доктор Стокман. Если бы всего несколько дней тому назад кто-нибудь осмелился зажать мне рот, как вот теперь, я бы, как лев, защищал свои священнейшие человеческие права. Но теперь мне все равно, теперь мне предстоит высказаться о более серьезных вещах.

Толпа плотнее обступает его. Среди присутствующих показывается Мортен Хиль.

Я в эти последние дни много думал и размышлял... так много и о многом, что у меня голова пошла кругом...

Фогт (*покашливая*). Гм...

Доктор Стокман. Но наконец я разобрался во всем, нашел общую связь, и все стало мне яснее ясного. Вот почему я и стою здесь сегодня вечером. Я хочу сделать серьезные разоблачения, сограждане. Хочу поделиться с вами открытием, имеющим куда более широкое значение, нежели пустячное открытие, что водопровод наш отравлен и что водолечебница стоит на зараженной миазмами почве.

Многие голоса (*кричат*). Не говорить о водолечебнице! Не хотим слушать ни слова об этом!

Доктор Стокман. Я сказал, что буду говорить о великом открытии, которое я сделал на этих днях. Я открыл, что все наши духовные

жизненные источники отравлены, что вся наша гражданская общественная жизнь зиждется на зараженной ложью почве.

Несколько голосов (*негромко*). Что он говорит?

Фогт. Подобная инсинуация!..

Аслаксен (*положив руку на колокольчик*). Оратор призывается к умеренности.

Доктор Стокман. Я так искренне любил свой родной город, как только может любить человек колыбель своего детства. Я был еще не стар, когда уехал отсюда, и расстояние, тоска по родине и воспоминания окружили в моих глазах особым ореолом и место и людей.

Слышны отдельные хлопки и одобрения.

И вот я много лет провел на севере в ужасном захолустье. При встрече с людьми, затерянными там среди груд камней, мне часто приходило в голову, что этим несчастным, жалким созданиям, право, нужнее был бы ветеринар, нежели такой человек, как я.

В зале ропот.

Биллинг (*понижив голос*). Ну, убей меня бог, коли я слышал когда что-либо подобное!..

Ховстад. Это просто глумление над народом, достойным всякого уважения.

Доктор Стокман. Погодите немножко. Не думаю, чтоб кто мог упрекнуть меня в том, что я забыл там свой родной город. Я вынашивал там свою мысль – план превращения нашего города в курорт.

Хлопки и протесты.

И когда наконец после долгих лет судьба смиростивилась ко мне настолько, что я мог вернуться на родину... да, сограждане, мне казалось тогда, что большего мне и желать не остается. Нет, впрочем, одно еще оставалось: желание горячо, усердно, неустанно трудиться на благо родины и всего общества.

Фогт (*глядя в пространство*). Довольно странным способом... гм...

Доктор Стокман. И вот я наслаждался здесь этим счастьем слепоты своей. Но вчера утром... нет, в сущности, третьего дня вечером... глаза у меня открылись, и первое, что бросилось мне в глаза, это невероятная

тупость местных властей...

Шум, крики и смех.

Фру Стокман (*энергично кашляет*). Кх... кх... кх...

Фогт. Господин председатель!

Аслаксен (*звонит*). В силу своих полномочий...

Доктор Стокман. Нельзя привязываться к слову, господин Аслаксен. Это мелочно. Я хочу только сказать, что у меня открылись глаза на невероятно безобразное хозяйничание наших заправил, повинных в том, что у нас теперь такая водолечебница. Этих господ я не выношу, довольно таки навидался я их на своем веку. Они, словно козлы, пущенные в огород, всюду гадят; они становятся поперек дороги свободному человеку, куда он ни повернется, и самое лучшее было бы истребить их, как прочих вредных животных...

В зале волнение.

Фогт. Господин председатель, разве такие выражения допустимы?

Аслаксен (*положив руку на колокольчик*). Господин доктор!..

Доктор Стокман. Я не понимаю, как это я лишь теперь разглядел этих господ как следует. У меня ведь постоянно был перед глазами такой великолепный экземпляр, как мой брат Петер, тяжелый на подъем, закоснелый в предрассудках.

Смех, шум и свистки.

Фру Стокман (*покашливает*). Кх... кх... Аслаксен неистово звонит.

Пьяный (*опять пробравшийся в залу*). Это вы на меня намекаете? Ну да, меня зовут Петерсен, но черт меня подери...

Несколько голосов (*сердито*). Вон пьяницу! За дверь его!

Пьяного опять выталкивают.

Фогт. Что это за личность?

Один из близстоящих. Не знаю, господин Фогт.

Второй. Он не здешний.

Третий. Говорят, грузчик из... (*Остальных слов не слышно.*)

Аслаксен. Человек этот, по всей видимости, охмелел от баварского

пива. Продолжайте, доктор, но, пожалуйста, соблюдайте умеренность.

Доктор Стокман. Ну, хорошо, сограждане. Я не буду больше распространяться о наших заправилах. Если бы кто-либо подумал вывести из только что сказанного мною заключение, что я собираюсь сегодня свести счеты с этими господами, то он ошибся бы, сильно ошибся бы. Я питаю благую надежду, что все эти пережитки, эти древние остатки отживших мировоззрений сами наилучшим образом сведут себя на нет и не нужно докторской помощи, чтобы ускорить их отправление к праотцам. Да и не этого рода люди представляют самую грозную опасность для общества; не о н и наиболее, содействуют отравлению источников нашей духовной жизни и заражению общественной почвы; не они опаснейшие враги истины и свободы в нашем обществе.

Крики со всех сторон. Кто же? Кто же тогда? Назовите их!

Доктор Стокман. Будьте спокойны, назову! Это-то и есть то великое открытие, которое я сделал вчера. (Возвышая голос.) Опаснейшие среди нас враги истины и свободы – это сплоченное большинство. Да, проклятое сплоченное либеральное большинство! Оно! Так и знайте!

Неистовый шум. Большинство присутствующих кричит, топает и свистит, несколько пожилых господ украдкой обмениваются взглядами, видимо, наслаждаясь происходящим. Фру Стокман в испуге встает. Эйлиф и Мортен угрожающе наступают на шумящих школьников. Аслаксен звонит и призывает к порядку. Ховстад и Биллинг пытаются говорить, но ничего не слышно. Наконец шум стихает.

Аслаксен. Председатель ожидает, что оратор возьмет назад свои необдуманные выражения.

Доктор Стокман. Никогда в жизни, господин Аслаксен. Именно огромное большинство нашего общества лишает меня свободы, хочет воспретить мне говорить правду.

Ховстад. Право всегда на стороне большинства.

Биллинг. И правда тоже, убей меня бог!

Доктор Стокман. Большинство никогда не бывает право. Никогда, – говорю я! Это одна из тех общепринятых лживых условностей, против которых обязан восставать каждый свободный и мыслящий человек. Из каких людей составляется большинство в стране? Из умных или глупых? Я думаю, все согласятся, что глупые люди составляют страшное, подавляющее большинство на всем земном шаре. Но разве это правильно, черт возьми, чтобы глупые управляли умными? Никогда в жизни!

Шум и крики.

Да! Да! Вы можете перекричать меня, но вам не опровергнуть моих слов. На стороне большинства **сила**, к сожалению, но не **право**. Правы я и немногие другие единицы. Меньшинство всегда право.

Снова сильный шум.

Ховстад. Ха-ха! Так доктор Стокман стал со вчерашнего дня аристократом!

Доктор Стокман. Я сказал уже, что не хочу тратить даром слов, говорить о кучке хилых, на ладан дышащих умников, плетущихся позади. Бьющая ключом жизнь не имеет с ними больше ничего общего. Но я говорю о немногих отдельных единицах, усваивающих все новые рождающиеся на свет истины. Эти люди стоят как бы на аванпостах человечества, – так далеко впереди, что сплоченное большинство еще не доплелось туда! – и там они бьются за истины, народившиеся в сознании мира еще слишком недавно, чтобы успеть сплотить вокруг себя какое-нибудь большинство.

Ховстад. Стало быть, доктор стал революционером!

Доктор Стокман. Ну да, черт возьми, господин Ховстад! Я намерен ниспровергнуть ту ложь, будто бы истина там, где большинство. Что это за истины, вокруг которых обыкновенно толпится большинство? Это истины, устаревшие настолько, что пора бы уж сдать их в архив. Когда же истина успела так устареть – ей недолго стать и ложью, господа.

Смех и выражения негодования.

Да, да, хотите верьте, хотите нет. Но истины вовсе не такие живучие Мафусаилы, как люди воображают. Нормальная истина живет... скажем... ну, лет семнадцать-восемнадцать, самое большее – двадцать, редко дольше. Но такие пожилые истины всегда ужасно худосочны. И все-таки большинство именно тогда только и начинает заниматься ими и рекомендовать их обществу в качестве здоровой духовной пищи. Но такая пища малопитательна, могу вас уверить, как врач я в этом сведущ. Все эти истины, признанные большинством, похожи на прошлогоднее копченое мясо, на прогорклые, затхлые, заплесневевшие окорока. От них-то и делается нравственная цынга, свирепствующая повсюду в общественной

жизни.

Аслаксен. Мне кажется, уважаемый оратор слишком далеко уклоняется от предмета.

Фогт. Я по существу присоединяюсь к мнению председателя.

Доктор Стокман. Нет, право, ты рехнулся, Петер. Я держусь предмета насколько возможно. О чем же я и хочу говорить, как не о массе, толпе, об этом треклятом сплоченном большинстве?.. Это оно, говорю я, отравляет источники нашей духовной жизни и заражает под нами почву.

Ховстад. И вы обвиняете в этом свободомыслящее большинство потому только, что оно благоразумно держится бесспорных, общепризнанных истин?

Доктор Стокман. Ах, милейший господин Ховстад, не толкуйте мне о бесспорных истинах. Истины, признаваемые ныне массой, толпой, – это те истины, которые признаны были передовыми людьми еще во времена наших дедушек. Мы, современные передовые люди, уже не признаем их больше истинами, и я не допускаю истины вернее той, что никакое общество не может жить здоровой жизнью, основываясь на таких старых, безмозглых истинах.

Ховстад. Вместо того, чтобы говорить так на ветер, вы бы лучше сказали нам, какими это мы живем старыми, безмозглыми истинами? Любопытно бы знать!

Выражения одобрения с разных сторон.

Доктор Стокман. Э, да я мог бы насчитать целую кучу этой дряни, но для начала остановлюсь на одной общепризнанной истине, которая, в сущности, прескверная ложь, но которою кормятся и господин Ховстад, и «Народный вестник», и все приверженцы «Народного вестника».

Ховстад. Ну, и эта истина?..

Доктор Стокман. Это учение, которое вы приняли от прадедов и которое бессмысленно проповедуете направо и налево, учение, что масса, чернь, серая толпа составляет ядро народа, что это и есть сам народ... что рядовые из этой толпы, эти невежественные и неразвитые члены общества, имеют те же права судить-рядить, одобрять, отвергать, заседать и править, как единичные духовно благородные личности.

Биллинг. Ну, убей меня бог, если я...

Ховстад (*одновременно кричит*). Граждане, заметьте себе это!

Многие голоса (*озлобленно*). Ого! Так мы не народ? Или одни благородные годны править?

Рабочий. Долой того, кто так разговаривает!
Другие. Вон его!
Один из обывателей (*кричит*). Труби в рог, Эвенсен!

Раздаются мощные звуки рога, свистки и яростные крики.

Доктор Стокман (*когда шум несколько стихает*). Да будьте вы благоразумнее! Неужто вы не можете хоть раз в жизни выслушать правду в глаза? Я и не требую вовсе, чтобы вы все так сразу и согласились со мной. Но я, разумеется, ожидал, что хоть господин Ховстад отдаст мне справедливость, если только немножко придет в себя. Господин Ховстад претендует ведь на титул вольнодумца...

Несколько голосов (*озадаченно и негромко*). Вольнодумца? Что он говорит? Разве редактор Ховстад вольнодумец?

Ховстад (*кричит*). Докажите, доктор Стокман! Когда я высказывал это печатно?

Доктор Стокман (*подумав*). Нет, черт возьми, вы правы. На это у вас никогда не хватало мужества. Ну, я не стану припирать вас к стене, господин Ховстад. Пусть я сам буду вольнодумцем. Теперь я с помощью естествознания выясню вам всем, что «Народный вестник» бессовестно водит вас за нос, говоря вам, что чернь, масса, толпа – истинное ядро народа. Это газетная ложь.

Чернь не что иное, как сырой материал, из которого народ должен создать народ.

Ропот, смех и волнение.

И разве не то же самое наблюдается во всем остальном живом мире? Какая, например, разница между культивированной и некультивированной породой? Взгляните хоть на обыкновенную деревенскую курицу. Что за мясо дает такая жалкая курчонка? Немногим тут поживишься, не так ли? А яйца какие она несет? Порядочная ворона несет чуть ли не такой же величины. А возьмите-ка породистую испанскую или кохинхинскую курицу, или породистого фазана, или индюка... и вы тотчас увидите разницу. Или взять собак, к которым мы, люди, стоим так близко. Представьте себе сначала простого дворнягу, то есть паршивого, ободранного, лохматого мужицкого пса, который только и рыщет по улицам да пакостит на стены домов. И поставьте этого пса рядом с пуделем, длинный ряд предков которого воспитывался в хороших домах, где их

кормили тонкой, отборной пищей и где они имели случай слышать гармоничные голоса и музыку. Или, по-вашему, череп пуделя не совсем иначе развит, нежели череп простого пса? Ну, уж будьте уверены. Таких породистых щенков-пуделей клоуны выучивают проделывать самые невероятные фокусы. Простой же пес ничему такому не выучится, как бы он ни лез вон из кожи.

Шум и смех повсюду кругом.

Один из обывателей (*кричит*). Вы еще в собак нас хотите обратить? Другой. Мы не животные, господин доктор!

Доктор Стокман. Нет, побожусь, мы все-таки животные, старина! Все – самые настоящие животные, каких только можно себе представить. Но породистых животных, аристократов, между нами, правда, немного. О, между людьми-пуделями и людьми – простыми псами огромная разница. И забавнее всего при этом то, что редактор Ховстад вполне согласен со мной, пока речь идет о животных четвероногих...

Ховстад. О них не будем спорить.

Доктор Стокман. Хорошо, но как только я распространяю тот же закон на двуногих, господин Ховстад идет на попятный, не смеет больше держаться своего мнения, додумать до конца свою мысль; он выворачивает все учение наизнанку и объявляет в «Народном вестнике», что захудалый мужицкий петух и паршивый уличный пес – это и есть самые первоклассные экземпляры в зверинце. Но так всегда бывает с теми, в ком все еще сильна плебейская закваска, кто не выработался еще в духовного аристократа.

Ховстад. Я и не претендую ни на какой аристократизм. Я происхожу из простых крестьян и горжусь тем, что глубоко врос корнями в простой народ, над которым тут глумятся...

Многие рабочие. Ура, Ховстад! Ура! Ура!

Доктор Стокман. Те плебеи, о которых я веду речь, ютятся не только в низших слоях; они кишат вокруг нас... достигая вершин общества. Взгляните только на своего чистенького, щеголеватого Фогта. Мой брат, Петер, право, такой же плебей, как любой разгуливающий в деревянных башмаках...

Смех и шиканье.

Фогт. Я протестую против подобных личных выпадов.

Доктор Стокман (*невозмутимо*). И не потому, что он, как и я, происходит от старого скверного морского разбойника из Померании, или откуда-то там... Да, мы именно такого происхождения...

Фогт. Вздорная традиция. Отрицаю!

Доктор Стокман. Но потому, что он думает головой своего начальства, живет мнениями своего начальства. Люди, поступающие так, – духовные плебеи. Вот потому-то в моем великолепном брате Петере, в сущности, так мало аристократизма... и в силу этого же столь мало свободомыслия.

Фогт. Господин председатель!

Ховстад. Значит, у нас свободомыслящими людьми являются аристократы? Это уже нечто совершенно новое.

Смех в собрании.

Доктор Стокман. Да, и это находится в связи с моим новым открытием. В связи с этим находится и то, что свободомыслие и нравственность – почти одно и то же. И вот почему я и скажу, что прямо возмутительно со стороны «Народного вестника» изо дня в день проповедовать лжеучение, будто только в массе, в толпе, в сплоченном большинстве и надо искать свободомыслие и нравственность... а что пороки и испорченность и всякая духовная гниль – нечто просачивающееся из культурных слоев, подобно тому как всякая гадость просачивается в водопроводные трубы из Мельничной долины с ее кожевенными заводами.

Шум и крики.

(*Невозмутимо, посмеиваясь в своем увлечении.*) И этот же самый «Народный вестник» разглагольствует, что массу, толпу надо поднять до высших культурных условий жизни. Но, черт возьми, если бы учение «Народного вестника» надо было принимать всерьез, так ведь поднять народ в таком смысле значило бы обречь его прямехонько на гибель! К счастью, все это лишь старая традиционная ложь, будто культура деморализует. Нет, деморализуют, творя дьявольское дело, тупость, нищета, безобразия житейских условий. В доме, где не метут, не проветривают ежедневно, – моя жена Катрине утверждает, что нужно даже ежедневно подмывать пол, но об этом еще можно поспорить, – ну, так в таком доме, говорю я, люди в какие-нибудь два-три года теряют способность мыслить и поступать нравственно. От недостатка кислорода и совесть чахнет. И, пожалуй, во многих домах у нас в городе сильная

нехватка кислорода, раз все это сплоченное большинство может быть настолько бессовестно, что готово строить городское благополучие на трясине лжи и обмана!

Аслаксен. Нельзя швырять такое тяжкое обвинение в лицо всему городскому обществу!

Один из господ. Я предлагаю господину председателю лишить оратора слова.

Несколько голосов (*горячо*). Да, да! Правильно! Лишить его слова!

Доктор Стокман (*вспылив*). Так я буду кричать правду на всех уличных перекрестках! Буду писать в иногородних газетах! Вся страна узнает, что у нас тут творится!

Ховстад. Можно подумать, что доктор намерен разорить свой родной город.

Доктор Стокман. Да. Я так люблю свой родной город, что скорее готов разорить его, чем смотреть, как он процветает во лжи!

Аслаксен. Сильно сказано.

Шум и свистки. Фру Стокман тщетно покашливает, доктор ее не слышит.

Ховстад (*перекрикивая шум*). Человек, который готов разорить целое общество, является врагом общества.

Доктор Стокман (*с возрастающим жаром*). Что за беда разорить лживое общество! Его надо стереть с лица земли! Живущих во лжи надо истреблять, как вредных животных! Вы в конце концов заразите всю страну, доведете до того, что вся страна заслужит быть опустошенной. И если дойдет до этого, то я от всего сердца скажу: да будет опустошена вся эта страна, да сгинет весь этот народ!

Один из толпы. Да он говорит, как настоящий враг народа!

Биллинг. Вот он, убей меня бог, глас народа!

Вся толпа (*кричит*). Да, да, да! Он враг народа! Он ненавидит свою страну! Ненавидит весь народ!

Аслаксен. И как гражданин и как человек я глубоко потрясен тем, что пришлось мне сейчас выслушать. Доктор Стокман разоблачил себя так, как мне никогда и не снилось. К сожалению, я должен присоединиться к мнению, только что высказанному почтенными согражданами. И считаю нужным облечь это мнение в форму резолюции. Предлагаю следующее: «Собрание постановило считать курортного врача доктора Томаса Стокмана врагом народа».

Бурное «ура» и выражения одобрения. Многие обступают доктора, свистят и шикают ему. Фру Стокман и Петра встают. Мортен и Эйлиф кидаются в драку со школьниками, которые тоже свистели. Кое-кто из взрослых разнимает их.

Доктор Стокман (*свистунам*). Ах вы, глупцы! Говорю вам, что...

Аслаксен (*звонит*). Доктор лишен слова. Должно состояться формальное голосование. Но, дабы пощадить личные чувства, предлагаю подавать голоса записками и без подписи. Есть у вас чистая бумага, господин Биллинг?

Биллинг. Вот тут и синяя и белая...

Аслаксен (*спускаясь с возвышения*). Отлично. Так у нас пойдет еще скорее. Нарезьте билетов. Так, так. (Собранию.) Синие означают «нет», белые – «да». Я сам буду отбирать билеты.

Фогт покидает залу. Аслаксен и еще несколько горожан раздают публике билеты.

Первый господин (*Ховстаду*). Что такое случилось с доктором? Как это надо понимать?

Ховстад. Вы же знаете, какой он необузданный.

Второй господин (*Биллингу*). Слушайте, вы ведь бываете у него в доме; не пьет ли он, – не замечали?

Биллинг. Уж не знаю, как и сказать, убей меня бог. Пунш у них вечно на столе, когда ни приди.

Третий господин. Нет, я думаю, скорее у него голова не совсем в порядке.

Первый господин. Нет ли какого наследственного умопомешательства?

Биллинг. И то может быть.

Четвертый господин. Нет, это просто злоба, месть за что-нибудь.

Биллинг. Он, правда, толковал тут на днях о прибавке жалованья. Да не дали.

Все четверо господ (*хором*). Ага! Тогда все понятно.

Пьяный (*в толпе*). Я хочу синюю бумажку. И белую тоже.

Крики. Опять этот пьяница тут! Вон его!

Мортен Хиль (*подходя к доктору*). Ну, Стокман, видите теперь, что выходит из таких штук?

Доктор Стокман. Я исполнил свой долг.

Мортен Хиль. А что такое вы там подпустили насчет кожевенных заводов в Мельничной долине?

Доктор Стокман. Вы же слышали. Я сказал, что вся эта мерзость идет от них.

Мортен Хиль. И от моего завода тоже?

Доктор Стокман. К сожалению, ваш-то чуть ли не хуже всех.

Мортен Хиль. И вы это пропечатаете в газетах?

Доктор Стокман. Я ничего не утаю.

Мортен Хиль. Дорогонько это вам, пожалуй, вскочит, Стокман!
(Уходит.)

Жирный господин (*подходя к Хорстеру и не кланяясь дамам*). Ну-с, капитан, так вы сдаете свою залу врагам народа?

Хорстер. Я полагаю, что могу распоряжаться своим имуществом как хочу, господин коммерсант.

Коммерсант. Так, верно, вы не будете в претензии, если я так же распоряжусь своим.

Хорстер. То есть?

Коммерсант. Завтра я вас извещу. (*Поворачивается и уходит.*)

Петра. Кажется, это ваш судохозяин, Хорстер?

Хорстер. Да, коммерсант Вик.

Аслаксен (*с билетами в руках всходит на возвышение и звонит*). Господа, позвольте оповестить вас о результате. Всеми голосами против одного...

Молодой господин. Один голос – голос пьяницы!

Аслаксен. Всеми голосами против одного голоса нетрезвого человека курортный врач доктор Томас Стокман объявлен врагом народа.

Крики и выражения одобрения.

Да здравствует наше старое почтенное городское сословие, наше общество!

Снова крики одобрения.

Да здравствует и наш достопочтенный деятельный Фогт, который столь лойяльно подавил в себе голос родственного чувства.

Крики «ура».

Объявляю собрание закрытым. (*Спускается вниз.*)

Биллинг. Да здравствует господин председатель!

Вся толпа. Ура, типографщик Аслаксен!

Доктор Стокман. Шляпу и пальто, Петра! Капитан, не найдется ли у вас на пароходе мест для пассажиров в Новый свет?

Хорстер. Для вас и для вашей семьи всегда найдется, господин доктор.

Доктор Стокман (*надевая пальто с помощью Петры*). Хорошо. Идем, Катрине. Идемте, дети. (*Берет жену под руку.*)

Фру Стокман (*тихо*). Милый Томас, не выйти ли нам задним ходом?

Доктор Стокман. Никаких задних ходов, Катрине! (*Возвышая голос.*) Вы еще услышите о враге народа, прежде чем он отряхнет прах от ног своих. Я не так добродушен, как некто, и не скажу: прощаю вам, ибо вы не ведаете, что творите!

Аслаксен (*кричит*). Это богохульство, Стокман!

Биллинг. Да, убей меня бог! Серьезному человеку тяжело слышать такие вещи.

Грубый голос. Так он еще грозитя!

Несколько голосов (*разъяренно*). Пойдем выьем у него все стекла! Швырнем его в воду!

Один из толпы. Труби в рог, Эвенсен! Во всю мочь!

Звуки рога, свистки и дикие крики. Доктор с семьей направляется к выходу. Капитан Хорстер прокладывает им путь.

Вся толпа (*вопит вслед уходящим*). Враг народа! Враг народа! Враг народа!

Биллинг (*приводя в порядок свои бумаги*). Нет, убей меня бог, если я пойду сегодня вечером к доктору на пунш!

Шум; публика теснится у выхода, затем шум переходит на улицу, и оттуда еще доносятся крики: «Враг народа! Враг народа!»

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Кабинет доктора Стокмана. По стенам книжные полки и шкафы с различными препаратами. В глубине выход в переднюю; впереди налево дверь в гостиную. В стене направо два окна с выбитыми стеклами. Посреди комнаты письменный стол доктора, заваленный книгами и бумагами. Комната в беспорядке. Утро.

Доктор Стокман, в халате и туфлях, в шапочке, стоит нагнувшись и ручкой зонтика шарит под шкафом.

Доктор Стокман (выловив из-под шкафа камешек, обращается в открытую дверь гостиной). Еще один нашел, Катрине.

Фру Стокман (из гостиной). Ну, наверно, еще много найдешь.

Доктор Стокман (откладывает камешек к куче таких же, лежащих на столе). Я их буду беречь как святыню. Пусть Эйлиф и Мортен смотрят на них каждый день, а когда вырастут, получают их в наследство от меня. (Шаря под книжной полкой.) Что эта... как ее, черт, звать... ну, девчонка... не ходила еще за стекольщиком?

Фру Стокман (входя). Ходила, да он сказал, что вряд ли сможет прийти сегодня.

Доктор Стокман. Увидишь, не посмеет.

Фру Стокман. Да и Рандина думает, что он боится соседей. (Обращаясь в гостиную.) Что тебе, Рандина? А! (Уходит и сейчас же возвращается.) Тебе письмо, Томас.

Доктор Стокман. Посмотрим. (Вскрывает и читает.) Ну вот.

Фру Стокман. От кого это?

Доктор Стокман. От домохозяина. Отказывает нам от квартиры.

Фру Стокман. Да неужели? Такой порядочный человек...

Доктор Стокман (заглядывая в письмо). Не смеет поступить иначе, пишет. Ему очень жаль, но он не смеет идти против своих сограждан... против общественного мнения... он человек зависимый... не смеет наступать на ногу влиятельным лицам.

Фру Стокман. Вот видишь, Томас.

Доктор Стокман. Вижу, вижу. Все трусы у нас в городе. Ни один человек ничего не смеет из боязни других. (Швыряет письмо на стол.) Ну, да нам все равно, Катрине. Уедем в Новый свет и...

Фру Стокман. Ах, Томас, хорошо ли ты все это обдумал насчет

отъезда?

Доктор Стокман. Уж не остаться ли мне тут, где меня выставили к позорному столбу как врага народа, заклеили меня, повыбили у меня окна! И взгляни-ка, они разорвали мне черные брюки.

Фру Стокман. Ах, боже мой! Самые твои лучшие!

Доктор Стокман. Никогда не следует надевать свои лучшие брюки, когда идешь отстаивать свободу и истину. Ну да о брюках я не печалюсь, беда невелика, потому что ты можешь починить. А вот то, что чернь, толпа осмелилась напасть на меня, как будто они все мне ровня, – вот этого я не могу переварить до самой смерти!

Фру Стокман. Да они ужасно грубо обошлись с тобой, Томас. Но неужели нам из-за этого так-таки и бросить родину?

Доктор Стокман. По-твоему, плебеи в других городах не так же нахальны, как тут? Все один черт. Да наплевать, пусть себе собаки лают. Не в этом главная беда. Главная беда в том, что все люди в этой стране – рабы партий. Да, впрочем... пожалуй, на этот счет и на свободном Западе не лучше. И там свирепствует сплоченное большинство, и либеральное общественное мнение, и вся эта чертовщина. Но условия жизни там шире, крупнее. Люди там способны убить, но они не станут пытаться тебя медленно. Они не берут в такие тиски свободную человеческую душу, как у нас. Да и в крайнем случае там можно будет держаться в стороне. (*Ходит по комнате.*) Знай я только, где бы можно было купить недорого девственный лес или какой-нибудь островок в Южном океане...

Фру Стокман. А мальчики, Томас?

Доктор Стокман (*останавливаясь*). Какая ты странная, Катрине. Неужели ты предпочла бы, чтобы мальчики выросли в таком обществе, как наше? Сама же ты вчера вечером сказала, что полгорода взбесилось; ну а если и вторая половина не сошла с ума, так потому лишь, что состоит из одних ослов, которым не с чего было сходить.

Фру Стокман. Ах, милый Томас, ведь и ты тоже... такой невоздержанный на язык.

Доктор Стокман. Ну вот! Да разве я не правду говорил? Разве они не переворачивают вверх дном все понятия? Не смешивают в одну кучу и правду и неправду? Не называют ложью то, что, я знаю, есть истина? Но всего нелепее – это матерые либералы, которые разгуливают здесь толпами и вбивают в голову себе и другим, что они люди свободомыслящие. Ты когда-нибудь слышала что-либо подобное, Катрине?

Фру Стокман. Да, да, это нелепо, из рук вон, но...

Петра входит из гостиной.

Уже? Вернулась из школы?

Петра. Да, мне отказали.

Фру Стокман. Отказали?

Доктор Стокман. И тебе!

Петра. Фру Буск отказала мне, и я сочла за лучшее уйти сейчас же.

Доктор Стокман. И правильно, ей-ей!

Фру Стокман. Кто бы подумал, что фру Буск такая дурная особа!

Петра. Ну, мама, фру Буск вовсе не такая дурная. Ясно видно было, что она сама очень огорчена этим. Но она не смеет поступить иначе, – так она и сказала мне. И вот мне отказали!

Доктор Стокман (*смеясь и потирая руки*). Не смеет поступить иначе! И она тоже. Нет, это прелестно!

Фру Стокман. Да, после вчерашних бесчинств...

Петра. Не из-за одного этого. Нет, ты послушай, отец.

Доктор Стокман. Ну, ну?

Петра. Фру Буск показала мне целых три письма, которые она получила сегодня утром...

Доктор Стокман. Верно, анонимных?

Петра. Да.

Доктор Стокман. Понятно. От собственного имени они не смеют действовать, Катрине.

Петра. И в двух из них говорилось, что один из господ, бывавших у нас в доме, рассказывал вечером в клубе, будто у меня чересчур свободный образ мыслей...

Доктор Стокман. И ты, конечно, не стала отрицать?

Петра. Ты знаешь, что нет. Сама фру Буск тоже держится довольно свободных взглядов, когда мы остаемся с нею с глазу на глаз, но раз обо мне пошли такие слухи, она уже не посмела отстаивать меня.

Фру Стокман. И подумать – их распространяет человек, бывавший у нас в доме! Вот видишь, Томас, как тебе платят за твое гостеприимство.

Доктор Стокман. С такими свиньями нельзя дольше жить. Укладывайся живее, Катрине. Чем скорее уедем, тем лучше.

Фру Стокман. Тише! Мне кажется, кто-то идет по коридору. Взгляни, Петра.

Петра (*отворяя входную дверь*). Ах, это вы, капитан Хорстер! Пожалуйста, войдите.

Хорстер (*входит из передней*). Здравствуйте. Я чувствовал, что должен

зайти и узнать, как у вас обстоят дела.

Доктор Стокман (*крепко пожимая ему руку*). Спасибо. Вот это поистине мило с вашей стороны.

Фру Стокман. И спасибо, что вчера помогли нам выбраться, капитан Хорстер.

Петра. А как вы сами-то пробрались назад домой?

Хорстер. Ну, ничего, я не из слабосильных, а те господа ведь больше на язык бойки.

Доктор Стокман. Да, не характерная ли черта – эта их гнусная трусость? Подите сюда, я вам покажу кое-что. Взгляните, вот тут все камни, которыми они швыряли в окна. Взгляните только. Ей-ей, во всей кучке не найдется больше двух-трех порядочных, крупных булыжников, а то все мелочь, щебень. А уж крику-то сколько было, угроз, клятвенных обещаний свернуть мне шею!.. На деле же... на деле в этом городе нельзя ожидать ничего серьезного!

Хорстер. На этот раз оно для вас же было к лучшему, господин доктор.

Доктор Стокман. Ну, конечно. А все-таки досадно. Ведь дойди дело когда-нибудь до серьезной схватки по вопросу государственной важности, увидите, общественное мнение окажется за то, чтобы наострить лыжи, и все это сплоченное большинство кинется наутек, как стадо баранов. Вот о чем грустно подумать, вот о чем болит у меня сердце... А впрочем, черт с ними! В сущности, все это одни глупости. Они сказали, что я враг народа, так и пусть я буду врагом народа!

Фру Стокман. Никогда тебе не бывать им, Томас!

Доктор Стокман. Ну, не очень-то за это ручайся, Катрине. Дурное слово иногда действует на душу, как булавочная царапинка на легкие. А это проклятое слово... я не могу от него отделаться; оно глубоко засело вот тут, под сердцем, сидит тут и сосет, и жжет, как кислота. И уже никакая магнезия здесь не поможет.

Петра. Полно! Ты посмейся над ними, отец, да и все.

Хорстер. У народа еще появятся когда-нибудь другие мысли, господин доктор.

Фру Стокман. Да, Томас, в этом ты можешь быть уверен так же, как в том, что ты существуешь.

Доктор Стокман. Да, пожалуй, когда уже поздно будет. И поделом им. Пусть сидят тут по уши в грязи да каются, что выжили патриота! Вы когда же отплываете, капитан?

Хорстер. Гм... об этом-то, в сущности, я и пришел потолковать с вами...

Доктор Стокман. Что-нибудь стряслось с пароходом?

Хорстер. Нет, но выходит, что мне с ним не ехать.

Петра. Да не уволили же вас?

Хорстер (*улыбается*). Вот-вот, именно.

Петра. И вас!

Фру Стокман. Видишь, Томас!

Доктор Стокман. И все это из-за правды! О, если бы я мог предполагать что-либо подобное...

Хорстер. Вы, пожалуйста, не принимайте этого так близко к сердцу. Наверно, найду службу у какой-нибудь иногородней пароходной компании.

Доктор Стокман. И это коммерсант Вик, богатый человек, вполне независимый... Тьфу, черт возьми!

Хорстер. Он вообще довольно порядочный человек. И сказал, что очень хотел бы оставить меня у себя на службе, да не смеет...

Доктор Стокман. Не смеет? Само собой.

Хорстер. Неудобно, говорит, раз принадлежишь к известной партии...

Доктор Стокман. Это было правдивое слово этого мужа чести. Партия – как мясорубка, смалывает все головы в одну общую кашу, вот и получают фаршированные головы, начиненные и мясом, и кашей, и всякой дрянью.

Фру Стокман. Ах, Томас!

Петра (*Хорстеру*). Не провожали бы вы нас вчера домой, пожалуй, и не дошло бы до этого.

Хорстер. Я ничуть не жалею.

Петра (*пожимая ему руку*). Спасибо вам за это.

Хорстер (*доктору*). Затем я вот еще что хотел сказать вам: если вы непременно хотите уехать, то я придумал другой способ...

Доктор Стокман. Отлично. Только бы поскорее выбраться отсюда.

Фру Стокман. Тсс... стучат, кажется?

Петра. Верно, дядя.

Доктор Стокман. Ага! (*Кричит.*) Войдите!

Фру Стокман. Милый Томас, пожалуйста, обещаю тебе наконец...

Входит Фогт.

Фогт. А, ты занят. Так я лучше...

Доктор Стокман. Нет, нет. Войдя, войди.

Фогт. Но я желал бы иметь разговор с тобой наедине.

Фру Стокман. Мы можем уйти пока в гостиную.

Хорстер. А я потом зайду.

Доктор Стокман. Нет, посидите с ними, капитан. Мне надо узнать

поподробнее...

Хорстер. Хорошо, так я подожду. (*Уходит вслед за фру Стокман и Петрой в гостиную.*)

Фогт молча глядит на разбитые стекла окон.

Доктор Стокман. Пожалуй, по-твоему, здесь довольно прохладно сегодня? Надень фуражку.

Фогт. Спасибо – если можно. (*Надевает фуражку.*) Кажется, я простудился вчера. Прозяб там...

Доктор Стокман. Да? А по-моему, там было достаточно жарко.

Фогт. Я сожалею, что не в моей власти было предотвратить эти ночные бесчинства.

Доктор Стокман. Ну, а кроме этого у тебя есть еще что-нибудь особенное сообщить мне?

Фогт (*вынимая большой конверт*). Я имею передать тебе вот этот документ от дирекции курорта.

Доктор Стокман. Отказ от должности?

Фогт. Да, считая от сего числа. (*Кладет конверт на стол.*) Нам это прискорбно, но, откровенно говоря, мы не смеем поступить иначе, приходится считаться с общественным мнением.

Доктор Стокман (*улыбаясь*). Не смеете? Я сегодня уже слышал это слово.

Фогт. Прошу тебя вникнуть в свое положение. Отныне тебе нельзя рассчитывать ни на какую практику здесь в городе.

Доктор Стокман. Черт с ней, с практикой! Но ты почему так уверен в этом?

Фогт. Союз домохозяев рассылает по домам объявление, приглашающее всех благомыслящих граждан не прибегать больше к твоим услугам, и я смею поручиться, что ни единый отец семейства не откажется скрепить это объявление своей подписью. Попросту, не **осмелится...**

Доктор Стокман. Да, да, я не сомневаюсь. Ну, а потом что?

Фогт. Если бы я мог подать тебе совет, то посоветовал бы переменить на некоторое время местожительство.

Доктор Стокман. Я сам подумываю о том, чтобы переменить местожительство.

Фогт. Хорошо. И вот если бы ты, получив таким образом с полгода времени на размышление, решил, по зрелом обсуждении, в нескольких словах выразить сожаление, признаваясь в своем заблуждении, то...

Доктор Стокман. То, пожалуй, я мог бы вновь вернуться на свою прежнюю должность? Так?

Фогт. Быть может. Отнюдь не невозможно.

Доктор Стокман. Ну а как же тогда общественное мнение? Ведь вы же из-за общественного мнения не смеете держать меня.

Фогт. Общественное мнение – вещь чрезвычайно изменчивая. И, откровенно говоря, для нас было бы особенно важно получить от тебя такое признание.

Доктор Стокман. Еще бы! Небось, так зубы на него и точите. Но ты ведь помнишь, черт возьми, что я тебе говорил раньше насчет этих лисьих уверток!

Фогт. Тогда ты занимал куда более выгодную позицию, тогда ты имел возможность предполагать, что весь город встанет за тебя.

Доктор Стокман. Да. Теперь же я узнал, что весь город против меня... (Вскипая.) Да хоть бы сам черт с его бабушкой были против меня!.. Никогда, никогда, говорю я!

Фогт. Отец семейства не вправе так поступать, как ты. Ты не вправе, Томас.

Доктор Стокман. Не вправе! Свободный человек одного только не вправе делать, знаешь чего?

Фогт. Нет.

Доктор Стокман. Ну разумеется. Так я тебе скажу. Свободный человек не вправе валяться в грязи, как свинья, не вправе поступать так, чтобы ему оставалось только самому себе плюнуть в лицо!

Фогт. Это все звучит очень правдоподобно, и не будь налицо иного объяснения для твоей неподатливости... Но оно ведь имеется.

Доктор Стокман. Что ты хочешь сказать этим?

Фогт. Ты же отлично понимаешь. Но, как брат твой и человек рассудительный, я советую тебе не слишком основываться на надеждах и видах, которые весьма легко могут не оправдаться.

Доктор Стокман. Что же это, наконец, означает?

Фогт. Или ты в самом деле думаешь заставить меня поверить тому, что ты так-таки ничего и не знаешь о завещании, составленном кожевенным заводчиком Хилем?

Доктор Стокман. Я знаю, что те крохи, какие есть у него, должны перейти к убежищу для престарелых бедных ремесленников. Но мне-то что до этого?

Фогт. Во-первых, речь идет здесь далеко не о крохах. Кожевенный заводчик Хиль довольно таки состоятельный человек.

Доктор Стокман. Никогда и не подозревал этого...

Фогт. Гм... в самом деле? Так ты, значит, не подозревал, что изрядная доля его состояния перейдет к твоим детям, с тем, что ты и твоя жена будете пользоваться процентами пожизненно? Он тебе не говорил этого?

Доктор Стокман. Ничего подобного. Напротив, он вечно бесновался, что его заставляют платить совершенно несообразные с его состоянием налоги. Однако ты это наверно знаешь, Петер?

Фогт. Я знаю это из вполне достоверных источников.

Доктор Стокман. Но, боже мой! Тогда ведь Катрине обеспечена... и дети тоже! Нет, это непременно надо сообщить... *(Кричит.)* Катрине, Катрине!

Фогт *(удерживая)*. Тсс... ни слова пока.

Фру Стокман *(открывая дверь)*. Что случилось? Доктор Стокман. Ничего, ступай себе.

Фру Стокман затворяет дверь опять.

(Шагая по комнате.) Обеспечены! А? Подумать – все обеспечены! И пожизненно! Вот благодать-то чувствовать себя обеспеченным!

Фогт. Но вот именно этого-то пока и нет. Кожевенный заводчик Хиль может изменить свое завещание, когда ему вздумается.

Доктор Стокман. Ну, этого он не сделает, милейший мой Петер. «Барсук» ужасно доволен, что я принялся за тебя с твоими умными друзьями.

Фогт *(пораженный, испытующе смотрит на него)*. Ага! Вот что, пожалуй, проливает свет на многое!

Доктор Стокман. На что «на многое»?

Фогт. Так это был сложный маневр. Эти необузданные, бессмысленные нападки твои на руководящих лиц, якобы во имя правды...

Доктор Стокман. Ну, ну?

Фогт. Все это было, следовательно, не что иное, как условленная благодарность за завещание злопамятного старика Мортена Хиля!

Доктор Стокман *(едва в состоянии говорить)*. Петер... ты самый отратительный плебей, какого я только знал на своем веку.

Фогт. Между нами все кончено. Твоя отставка бесповоротна. Теперь у нас есть против тебя оружие. *(Уходит.)*

Доктор Стокман. Тьфу! Тьфу! Тьфу! *(Кричит.)* Катрине! Пусть вымоют пол после него! Вели прийти сюда с ведром этой, этой... ну, как ее, черт?.. этой чумазой, у которой вечно сажа под носом!..

Фру Стокман (в дверях гостиной). Тсс... Тсс... Поттише, Томас.

Петра (тоже появляясь в дверях). Отец, пришел дедушка и спрашивает, нельзя ли поговорить с тобой наедине.

Доктор Стокман. Конечно, можно. (Подходя к дверям.) Пожалуйста, тесь.

Мортен Хиль входит. Доктор затворяет за ним дверь. Ну, в чем дело? Садитесь.

Мортен Хиль. Нет, нет. (Озирается.) Славно здесь у вас сегодня, Стокман.

Доктор Стокман. Не правда ли?

Мортен Хиль. И даже очень славно. Свежо так. Сегодня у вас вдоволь этого самого кислого воздуха, о котором вы столько толковали вчера, и совесть у вас сегодня, должно быть, чертовски чиста, могу себе представить.

Доктор Стокман. Да, это правда.

Мортен Хиль. Могу себе представить. (Стуча кулаком в грудь.) А вы знаете, что у меня тут?

Доктор Стокман. Тоже, надеюсь, чистая совесть.

Мортен Хиль. Э! Кое-что получше. (Вынимает толстый бумажник, раскрывает его и показывает пачку бумаг.)

Доктор Стокман (смотрит с удивлением на него). Акции водолечебницы?

Мортен Хиль. Их нетрудно было достать сегодня.

Доктор Стокман. И вы пошли да купили себе?..

Мортен Хиль. На все наличные денежки.

Доктор Стокман. Но, дорогой тесь... ведь при нынешнем отчаянном положении водолечебницы...

Мортен Хиль. Если вы будете вести себя как разумный человек, лечебница, небось, опять встанет на ноги.

Доктор Стокман. Вы же сами видите, я все делаю, что могу, но... люди тут в городе какие-то полоумные.

Мортен Хиль. Вы сказали вчера, что главная пакость идет с моего кожевенного завода. Но коли это так, то выходит, что и дед мой, и отец мой, и я сам столько лет пакостили город, словно трое душегубцев. Вы думаете, могу я помириться с таким срамом?

Доктор Стокман. К сожалению, придется поневоле.

Мортен Хиль. Нет, спасибо! Я дорожу своим честным именем и доброй славой. Люди, слыхал я, прозвали меня «барсуком». Барсук – ведь это на манер свиньи; так не быть же по-ихнему, ни в жизнь! Я хочу жить и

умереть человеком чистоплотным.

Доктор Стокман. Да как же вы теперь выйдете из этого положения?

Мортен Хиль. Вы меня почистите, Стокман.

Доктор Стокман. Я?

Мортен Хиль. Знаете вы, на какие деньги я накупил этих акций? Нет, где вам знать! Так я скажу вам. На деньги, которые должны были достаться после меня Катрине с Петрой и мальчикам... Да, я ведь все-таки успел скопить малую толику, видите.

Доктор Стокман (*всплыв*). И вы взяли да и спустили таким манером деньги Катрине!

Мортен Хиль. Да, все эти денежки теперь вложены в водолечебницу. И вот теперь-то я и посмотрю, так ли вы того... совсем свихнулись... окончательно, беспардонно рехнулись, Стокман. Если вы и теперь станете выводить разных козявок да всякую такую пакость из моего кожевенного завода, то это будет аккурат то же самое, что оципывать живьем Катрине с Петрой и с мальчиками. А этого ни один добропорядочный отец семейства не сделает... ежели он не совсем обезумел.

Доктор Стокман (*ходя взад и вперед*). Ну а я – именно такой безумец! Я – именно такой безумец!

Мортен Хиль. Нет, все-таки не совсем же вы окончательно бешеный, когда дело идет о жене и детях.

Доктор Стокман (*останавливаясь перед ним*). И зачем вы не посоветовались со мной, прежде чем покупать весь этот хлам!

Мортен Хиль. Что сделано, то сделано. Так-то вернее будет.

Доктор Стокман (*с волнением ходит по комнате*). И не будь еще я так уверен в своей правоте... Но я глубоко убежден в том, что прав.

Мортен Хиль (*взвешивая на ладони бумажник*). Если останетесь при своем сумасбродстве, то немногого будет стоить эта пачка. (*Прячет бумажник в карман.*)

Доктор Стокман. Но, черт возьми, должна же наука найти противоядие... какой-нибудь предохранитель!..

Мортен Хиль. То есть чтобы убивать козявок?

Доктор Стокман. Да, или обезвреживать их.

Мортен Хиль. Нельзя ли попробовать посыпать крысиным ядом?

Доктор Стокман. Э, вздор, вздор!.. Но раз все говорят, что это одна фантазия?.. И пусть себе будет одна фантазия. Поделом им. Эти невежественные, бессердечные псы облаяли меня врагом народа... Готовы были сорвать с меня платье...

Мортен Хиль. И все стекла в окнах повыбибли.

Доктор Стокман. Да. И вдобавок долг отца семейства... Надо поговорить с Катрине. Эти дела по ее части.

Мортен Хиль. Хорошо, только слушайте советов разумной жены.

Доктор Стокман (*вдруг наступая на него*). И угораздило вас заварить такую кашу! Рискнуть деньгами Катрине! Поставить меня в такое ужасное, мучительное положение. Погляжу я на вас, словно сам дьявол передо мною!..

Мортен Хиль. Так лучше мне уйти. Но чтобы я до двух часов получил от вас ответ. Да или нет. Коли нет, так акции будут завещаны убежищу! Сегодня же.

Доктор Стокман. А что же достанется Катрине?

Мортен Хиль. Ни понюшки.

Дверь в переднюю отворяется, и на пороге показываются Ховстад и Аслаксен.

Поглядите-ка на эту парочку!

Доктор Стокман (*уставясь на них*). Что такое? И вы смеете еще переступить мой порог?

Ховстад. Как видите.

Аслаксен. Нам нужно поговорить с вами, знаете.

Мортен Хиль (*шепотом*). Да или нет... до двух часов.

Аслаксен (*переглядываясь с Ховстадом*). Ага!

Мортен Хиль уходит.

Доктор Стокман. Ну, чего же вам от меня нужно? Покороче.

Ховстад. Я отлично понимаю, что вы недовольны нашим вчерашним образом действий во время собрания...

Доктор Стокман. И вы называете это образом действий? Да, чудесный образ действий! Я назову этот образ действий – безобразием! Вы вели себя, как старые бабы... Тьфу, черт возьми!

Ховстад. Называйте, как хотите. Но мы не могла иначе.

Доктор Стокман. Не смели? Не так ли?

Ховстад. Да, если хотите.

Аслаксен. Но что бы вам стоило закинуть нам словечко заранее? Хоть бы намекнули господину Ховстаду или мне.

Доктор Стокман. Намекнуть? На что?

Аслаксен. На то, что за этим кроется.

Доктор Стокман. Ничего не понимаю.

Аслаксен (*конфиденциально, кивая головой*). Уж с божьей помощью понимаете, доктор Стокман.

Ховстад. Теперь-то уж нечего больше таиться.

Доктор Стокман (*глядит то на одного, то на другого*). Да, шут побери...

Аслаксен. Позвольте спросить вас, разве ваш тесть не рыщет по городу и не скупает акции водолечебницы?

Доктор Стокман. Да, он скупал их сегодня, но...

Аслаксен. Благоразумнее было бы послать кого-нибудь другого... кто не стоял бы к вам так уж близко.

Ховстад. Да и вам вовсе незачем было выступать под собственным флагом. Пусть бы никто и не знал, что нападки на водолечебницу идут от вас. Посоветовались бы со мной, доктор Стокман.

Доктор Стокман (*задумывается, но вдруг его осеняет догадка, и он говорит, как человек, свалившийся с неба*). Да мыслимо ли это? И такие дела делаются!

Аслаксен (*с улыбкой*). Как видно, делаются. Только, знаете ли, надо обделывать их потоньше.

Ховстад. И самое лучшее – в компании. Ответственности меньше, если человек действует не один, делит ее с другими.

Доктор Стокман (*овладев собой*). В двух словах, господа, что вам угодно?

Аслаксен. Это господин Ховстад лучше сумеет...

Ховстад. Нет, скажите вы, Аслаксен.

Аслаксен. Ну, дело в том, видите ли, что раз мы теперь знаем, как все обстоит, то полагаем, что смеем предоставить в ваше распоряжение «Народный вестник».

Доктор Стокман. Теперь смеете? А как же общественное мнение? Не боитесь, что против нас поднимется буря?

Ховстад. Постараемся справиться с нею.

Аслаксен. И доктору придется полавировать. А как только ваши нападки возымеют действие...

Доктор Стокман. То есть как только тесть мой и я за бесценок приберем к рукам все акции?..

Ховстад. Ну, вероятно, вы главным образом в интересах науки стремитесь взять в свои руки управление водолечебницей.

Доктор Стокман. Само собой; я в интересах науки и подбил старого «барсука» на это дело. А потом мы починим немножко водопровод,

пороемся немножко на морском берегу, не вводя город ни в какие расходы. Так, что ли? Выгорит дело? А?

Ховстад. Я так думаю – раз «Народный вестник» будет за вас.

Аслаксен. В свободном обществе печать – сила, господин доктор.

Доктор Стокман. Так. И общественное мнение тоже. А вы, господин Аслаксен, ручаетесь, конечно, за союз домохозяев?

Аслаксен. И за союз домохозяев и за общество друзей трезвости. Будьте благонадежны.

Доктор Стокман. Но, господа... видите ли, я стесняюсь спросить, какое же вознаграждение?..

Ховстад. Мы предпочли бы поддержать вас совершенно бескорыстно, как вы понимаете. Но «Народный вестник» не окреп, дела идут не особенно важно, а прекратить выпуск газеты теперь, когда столько предстоит сделать в области высшей политики, мне бы очень и очень не хотелось.

Доктор Стокман. Понятно; это, должно быть, чрезвычайно тяжело такому другу народа, как вы. (*Не выдержав.*) Но я – враг народа! (*Мечется по комнате.*) Куда это девалась моя палка? Кой черт взял мою палку?

Ховстад. Что это значит?

Аслаксен. Не хотите же вы...

Доктор Стокман (*останавливаясь*). А если я не дам вам ни гроша от всех своих акций? Не забудьте, с нас, богачей, взятки гладки.

Ховстад. А вы не забудьте, что это дело с акциями можно осветить и так и сяк.

Доктор Стокман. Конечно, вас на это хватит. Если я не выручу «Народного вестника», дело это, наверно, получит у вас самое неприглядное освещение. Вы, пожалуй, начнете травить меня, как собаки зайца!

Ховстад. Таков закон природы. Каждому зверю надо снискивать себе пропитание.

Аслаксен. Каждый берет пищу, где находит ее, видите ли.

Доктор Стокман. Так и поищите ее где-нибудь в уличных канавах! (*Мечется по комнате.*) Черт побери! Посмотрим теперь, кто из нас троих самый сильный зверь. (*Найдя зонтик, взмахивает им.*) Ну-с!..

Ховстад. Не хотите ли вы нанести нам оскорбление действием?

Аслаксен. Поосторожнее с этим зонтиком!

Доктор Стокман. Марш в окно, господин Ховстад!

Ховстад (*у дверей в переднюю*). Вы совсем с ума сошли!

Доктор Стокман. Марш в окно, господин Аслаксен! Скачите, говорят

вам! Чем скорее, тем лучше!

Аслаксен (*бегая вокруг письменного стола*). Умереннее, господин доктор! Я человек слабый... чуть что, я и... (Кричит.) Помогите! Помогите!

Фру Стокман, Петра и Хорстер выбегают из гостиной.

Фру Стокман. Господи боже мой, Томас! Что случилось?

Доктор Стокман (*размахивая зонтиком*). Ну же, скачите! В канаву!

Ховстад. Нападение на беззащитного человека! Беру вас в свидетели, капитан Хорстер! (*Поспешно ретируется в переднюю.*)

Аслаксен (*растерянно*). Знать бы только местные условия... (*Шмыгает в гостиную.*)

Фру Стокман (*удерживая мужа*). Да уймись же, Томас!

Доктор Стокман (*бросая зонтик*). Эх, увернулись-таки!

Фру Стокман. Да чего им было нужно от тебя?

Доктор Стокман. Потом узнаешь... Теперь мне есть о чем другом подумать. (*Идет к столу и что-то пишет на визитной карточке.*) Поди сюда, Катрине.

Видишь, что я написал?

Фру Стокман. Три раза «нет» крупными буквами. Что это значит?

Доктор Стокман. И это потом узнаешь. (*Отдавая карточку.*) Вот, Петра, пусть наша чумазая сбегает к «барсуку» и отдаст это. Только живо!

Петра, взяв карточку, уходит в переднюю.

Если у меня не побывали сегодня в гостях все слуги сатаны, так уж я и не знаю – кто. Но теперь зато и наточу же я против них свое перо, станет как шило! Обмакну его в яд и желчь! Буду швырять в их башки чернильницей!

Фру Стокман. Да мы ведь уезжаем, Томас.

Петра возвращается.

Доктор Стокман. Ну?

Петра. Послано.

Доктор Стокман. Хорошо. Уезжаем, говоришь? Нет, черт побери, мы остаемся, Катрине!

Петра. Остаемся?

Фру Стокман. Тут, в городе?

Доктор Стокман. Именно тут. Тут поле брани, тут должна разыгаться битва, тут я хочу победить. Вот только починят мне брюки, и я пойду по городу искать квартиру. Крышу над головой все-таки надо иметь к зиме.

Хорстер. Так перебирайтесь ко мне.

Доктор Стокман. Серьезно?

Хорстер. Само собой; места у меня хватит, да я почти и не живу дома.

Фру Стокман. Ах, как это мило с вашей стороны, Хорстер!

Петра. Спасибо!

Доктор Стокман (*крепко пожимая ему руку*). Спасибо, спасибо! Ну, значит, эта беда миновала. И я на днях серьезно возьмусь за дело. Ах, тут работы без конца, Катрине! И хорошо, что я теперь буду полным хозяином своего времени. Мне ведь отказали в должности, видишь ли.

Фру Стокман (*со вздохом*). Ох, я этого ожидала.

Доктор Стокман. И хотят еще лишить меня практики. Да пусть их!

Бедные-то во всяком случае при мне останутся... которые ничего не платят. И, боже мой, ведь им-то я больше всего и нужен. Но слушать себя я их заставлю, черт возьми! Я буду громить их, как кое-где было сказано, при всяком удобном и неудобном случае.

Фру Стокман. Но, милый Томас, мне кажется, ты убедился, к чему это ведет.

Доктор Стокман. Какая ты, право, чудачка, Катрине! Что же, мне спасовать перед общественным мнением и сплоченным большинством и тому подобной чертовщиной? Нет, благодарю покорно. То, чего я хочу, так ясно и просто. Я хочу только вбить в башку этим псам, что либералы – коварнейшие враги свободных людей, что партийные программы душат все новые, молодые, жизнеспособные истины, что всякие там «соображения» выворачивают наизнанку нравственность и справедливость, так что наконец прямо страшно становится жить на свете! Как по-вашему, капитан Хорстер, удастся мне втолковать это людям?

Хорстер. Очень возможно; я не очень-то сведущ по этой части.

Доктор Стокман. Да вот, видите ли... вы только послушайте! Надо уничтожить главарей партий. Такой главарь – все равно что волк... словно прожорливый серый волк, ему нужно проглотить за год столько-то и столько-то мелкой скотинки, чтобы просуществовать. Взгляните на Ховстада и Аслаксена.

Сколько мелкой скотинки они поглотят или искалечат, разорвут на клочья, так что из нее ничего другого никогда и не выйдет, кроме домохозяев да подписчиков на «Народный вестник»? (*Присаживается на стол.*) Нет, ты поди сюда, Катрине, погляди, как славно светит сегодня

солнце. И что за благодатный свежий весенний воздух гуляет теперь у меня!

Фру Стокман. Ах, кабы мы могли жить только солнечным светом да весенним воздухом, Томас.

Доктор Стокман. Ну, ты уж как-нибудь поэкономнее, – ничего, обойдемся.

Об этом я меньше всего забочусь. Нет, хуже всего то, что я не знаю ни одного настолько свободного и благородного человека, который продолжал бы мое дело после меня.

Петра. Ах, брось и думать об этом, отец! У тебя еще много времени впереди. А! Вот и мальчики.

Эйлиф и Мортен входят из гостиной.

Фру Стокман. Вас распустили сегодня?

Мортен. Нет, но мы подрались с другими сегодня в перемену...

Эйлиф. Не так. Другие подрались с нами.

Мортен. Да, и господин Рерлун сказал, что лучше нам посидеть некоторое время дома.

Доктор Стокман (*щелкает пальцами и соскакивает со стола*). Вот оно! Вот оно, ей-ей! Ноги вашей не будет больше в школе!

Мальчики. Не будет?

Фру Стокман. Но, Томас...

Доктор Стокман. Никогда, говорю я! Я сам вас буду учить; то есть я не буду учить вас ровно ничему...

Мортен. Ура!

Доктор Стокман...но я сделаю из вас свободных, благородных людей. И ты должна мне помогать, Петра.

Петра. Да, отец, будь спокоен.

Доктор Стокман. А классом будет у нас та зала, где они обозвали меня врагом народа. Но нам нужно побольше ребят; мне нужно, по крайней мере, дюжину, ребят для начала.

Фру Стокман. Где же тебе их найти тут в городе?

Доктор Стокман. А вот посмотрим. (*Мальчикам.*) Не знаете ли вы тут каких-нибудь уличных мальчуганов... настоящих оборвышей?..

Мортен. О папа, многих знаем!

Доктор Стокман. И отлично; приведите мне нескольких из них. Попробую разок взяться за простых псов. Между ними попадаются такие головы!..

Мортен. А что же мы будем делать, когда станем свободными и благородными людьми?

Доктор Стокман. Прогоните всех серых волков далеко-далеко на запад, дети.

Эйлиф выглядит несколько недоумевающим, а Мортен подпрыгивает и кричит «ура».

Фру Стокман. Ах, как бы только они тебя не прогнали, эти серые волки, Томас!

Доктор Стокман. Да ты в уме, Катрине? Прогнать меня, когда я теперь сильнейший человек в городе?

Фру Стокман. Сильнейший? **Теперь**-то!

Доктор Стокман. Да, я даже могу сказать, что теперь я один из сильнейших людей во всем мире!

Мортен. Вот так штука!

Доктор Стокман (*понижив голос*). Тсс... Пока об этом не надо еще говорить никому. Но я сделал великое открытие.

Фру Стокман. Опять открытие?!

Доктор Стокман. Ну да, ну да! (*Собирает всех вокруг себя и говорит точно по секрету.*) Дело в том, видите ли, что самый сильный человек на свете – это тот, кто наиболее одинок!

Фру Стокман (*улыбаясь, качает головой*). Ах, уж ты, Томас!

Петра (*схватив отца за руки, бодрым, уверенным тоном*). Отец!

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](http://Royallib.ru)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)